

Дарья Белова

НАВСЕГДА *моя*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Белова

Навсегда моя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70353559

SelfPub; 2024

Аннотация

Алена решила сделать сюрприз своему парню. А когда пришла к нему домой... застала его с другой девушкой. Она любит Ваню больше жизни, но готова ли простить измену? Или лучше сделать все, чтобы ему было также больно, как и ей?

Содержание

Глава 1. Алена	4
Глава 2. Алена	11
Глава 3. Ваня	16
Глава 4. Алена	22
Глава 5. Алена	29
Глава 6. Алена	38
Глава 7. Алена	45
Глава 8. Алена	52
Глава 9. Алена	58
Глава 10. Алена	66
Глава 11. Ваня	74
Глава 12. Алена	80
Глава 13. Алена	88
Глава 14. Алена	95
Глава 15. Алена	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дарья Белова

Навсегда моя

Глава 1. Алена

– Ну как я тебе? – голос дрожит, ведь я жутко волнуюсь.

Кручусь вокруг своей оси перед своей лучшей подругой. Она первой должна оценить мой образ, подходит ли он для того, чтобы окончательно свести с ума моего парня – Ваню.

На мне черные чулки с кружевной резинкой, пояс, непостижительно открытые стринги и кружевной лифчик. А еще высоchenные каблуки, на которых ну очень сложно даже стоять.

– Офигенно. Уже представляю глаза твоего Ванечки, когда он увидит тебя в таком... наряде.

Мы смеемся синхронно. Но мне страшно. Очень страшно. Я собираюсь сделать сюрприз своему парню – подарить ему себя.

На его день рождения уже была попытка близости, но я струсилась. Убежала прямо из-под... него.

Вторая попытка была после успешно сданного первого экзамена на сессии. Стресс был позади, и я снова решилась... Но также не смогла. Какой-то блок в теле. Как только Ваня пальцами касался кромки трусов, меня скручивало от почти животного страха, и я не могла расслабиться ни на грамм.

Каждая клетка словно была покрыта стальной оболочкой.

– Сашка, а вдруг я опять, ну, того? Сбегу? – заламываю пальцы от волнения. Дурная привычка.

– Тогда накати для храбрости!

– Ты что? Это же первый раз. Я хочу его запомнить, а не восстанавливать по кусочкам. Да и неправильно все это.

– Вот ты скучная, Олышанская. Пару глотков вина действует и как успокоительное, и как обезболивающее.

Отхожу на своих ходулях к окну. Снег валит такой, что не вижу даже ворот дома. Именно сегодня, когда я все-таки решилась на такой шаг, погода будто настроилась против меня.

Волнение и так запредельное, теперь еще думать о том, как бы вовремя добраться до квартиры Вани.

Я выкрала у него ключи, сделала дубликат и теперь хочу пробраться в его квартиру по-тихому и ждать парня в таком образе там.

– И вот. Если у твоего Ромео от такой красоты кровь прильет только к одному органу, ты уж не забудь про защиту.

Сашка протягивает мне упаковку презервативов, а я позорно краснею, потому что в жизни их не держала.

– Они ребристые. Первый раз, конечно, не верх экстаза, но вдруг получится что-то приятное получить.

– Сашка!

Краснею еще пуще. Щеки горят, не притронуться. Вот черт. Мне сейчас нужно мимо родителей пройти, как-то свой уход объяснить. А если выйду к ним такой красной, вопро-

сов не избежать.

Удружила, блин.

Надеваю поверх комплекта теплый свитер с горлом, натягиваю джинсы с высокой посадкой. Полосочка от стринг противно впивается в попу.

– Косметику не забудь. Я тут тебе собрала все.

Санька протягивает мне косметичку: тушь, тени, яркая помада, небольшой флакончик духов, смазка...

– Господи, а это что?

– Где? – она и правда не понимает, что ль?

– Вот, тюбик.

Шурка закатывает глаза. Она более продвинутая, чем я. Ну, и в выражениях не стесняется.

Иногда чуть завидую, например, вот в таких вот ситуациях. У меня при взгляде на эту... смазку ком в горле размером с земной шар образуется, а Сашка вертит тюбик в руках, открывает его, выдавливает каплю на ладонь.

– Аленка, это смазка. Иногда необходимо.

Закусываю губу. Стоит ли спрашивать ее, зачем она необходима? Пожалуй, загуглю в такси.

Собираю обратно все в косметику. И, кхм, смазку тоже.

– Ну что? Идем? – Санька потирает ладошки. Ей, конечно, интересно.

Для нее это приключение. Меня же от волнения тошнит, желудок сводит от напряжения, и голова гудит как протяжный гул теплохода.

Спускаемся по лестнице и обсуждаем учебу. Это, разумеется, для прикрытия. По плану мы с ней садимся в такси, Саню завозим к ней домой, я же еду к Ване.

– А вы куда? – мама стоит уже на пороге, глаза прищурила, пристально изучает.

Я могу ей доверить многое, почти все мои секреты, но вот этот... не могу. Это уже что-то мое. Совсем мое.

– К Саньке. У нас семинар сразу в начале семестра. Говорят препод очень строгий. Хотим начать готовиться.

Сердце стучит и вот-вот вырвется прямо к маме в ладони. Мне кажется, она чувствует все. Еще именно поэтому мне тяжело скрывать правду.

– Хорошо. Во сколько вернешься?

Облизываю губы, сглатываю скопившуюся слюну. Горло сухое от стресса, дышать тяжело, словно астма опять вернулась, и я начинаю задыхаться.

– Ой, так мы же с ночевкой ко мне. Что туда-сюда по такой погоде мотаться? – Шурка приходит на помощь.

Выдыхаю. Не знаю рано или нет, но я правда чувствую, как легкие раскрылись. Путь воздуха в мои легкие свободен.

Мама кивает. Целует в щеку, и мы пулей вылетаем из дома. Такси уже ждет нас. Шустро занимаем заднее сиденья и одновременно переглядываемся.

– Кажется, получилось.

Улыбка. Еще шире. Совсем широкая. И мы начинаем смеяться.

Чтобы я без нее делала? Без Сашки своей? То комплект поможет выбрать, то смазку, то прикроет полуголый зад.

Подруга выходит недалеко от Ваниного дома. Она ведь живет на параллельной улице. Поэтому оставшиеся пару минут я сижу одна.

В голове прокручиваю свой план и в тысячный раз пытаюсь себя убедить, что все делаю правильно.

Мы с Ваней даже не помню, когда начали встречаться. Такое ощущение, что это было всегда. Первый медленный танец в клубе с ним, первый поцелуй с ним. Он мой друг, моя опора, мой парень. Остался последний штрих – мой любовник.

Пробегаю мимо консьержа, пока меня не заметили, поднимаюсь на нужный этаж. Сердце стучит в груди как наковальня. В ушах звон стоит до боли в барабанных перепонках.

Спешно открываю его квартиру и вступаю в темноту. Ноги трясутся, руки не слушаются. Глупо улыбаюсь, а следом охватывает паника. На какое-то время забыла, зачем я здесь.

Пишу короткое сообщение Сане, что я на месте и готовлюсь встречать своего будущего любовника: заказываю суши, расставляю свечи, аромапалочки, которые я так тщательно выбирала пару дней, быстро наношу косметику и капли духов.

Еще бы раз сходила в душ, но, боюсь, пропущу момент, когда Ваня зайдет в квартиру.

Любуюсь на великолепие, которое приготовила, и аж кожу

стягивает от дикого восторга.

– Сегодня. Все случится сегодня, – повторяю я себе под нос. Настраиваюсь.

На часах одиннадцать вечера. Обычно в это время Ваня звонил мне сказать, что уже дома, скучает по мне. Дежурная встреча с парнями прошла как обычно, и ему не терпится увидеться со мной. Я улыбалась и каждый раз намеревалась приехать к нему, но постоянно откладывала. Та еще трусиха. Была.

Ключ в замке поворачивается, и я замираю. В тишине комнаты отчетливо различаю удары сердца и треск секундной стрелки. Они играют наперегонки.

– Проходи, чувствуй себя как дома... или что там обычно говорят? Ой, блядь, – слышу голос Вани. Такой знакомый, родной. От него в душе огонек зажигался.

Но сейчас он не греет. Скорее наоборот, холод пробирается под кожу.

Удар, что-то разбилось, осколки рассыпаются по полу, хрустят.

– Ва-ань, – кто-то протяжно зовет... моего парня.

Разбившееся стекло отчетливо чувствую у себя на языке, в теле, в голове, под ногами, в груди. Острые грани несколько не шадят и режут наживую.

– Иди ко мне, Анют.

Мычание, легкие стоны...

Шаги в комнату, где нахожусь я. Сдвинуться не могу и

понять, что же делать. Вот-вот меня заметят.

А я боль чувствую. Объемную, жгучую, стреляющую.

– Хочу тебя, – шепчет Ваня.

– Как тогда? В клубе? – отвечает ему томно Анечка, или как ее.

Шаги ближе. Мое дыхание поверхностное. Задыхаюсь. Кислород вокруг меня заканчивается, горло стягивают тугими ремнями до предсмертных хрипов.

Резко включается свет.

Ваня обнимает пепельную блондинку. На ней короткий топик, который подчеркивает третий размер, ультракороткая кожаная юбка и идеальный красный маникюр. Девушка пальцами вцепилась в шею Вани.

– Алена? – последнее, что слышу перед тем, как сердце вырвалось из груди и взорвалось в липкие клочья.

Глава 2. Алена

Смотрю на Ваню и уже не узнаю в нем того, кого любила. Вроде бы те же губы, те же глаза, тот же взгляд... Хотя нет, взгляд другой. Он им пытается собрать меня по кусочкам как недостроенный конструктор “Лего”.

Не выходит. Я рассыпалась, а детали разлетелись в разные уголки вселенной.

– Вань... как ты мог? – выдавливаю из себя эти слова.

Я так и не смогла встать с дивана. Сажусь в одном комплекте нижнего белья, который тщательно подбирала, на ногах высокие шпильки, на губах красная помада, потому что, я знала, ему это понравится.

Мне холодно, кожа вся покрыта мурашками, а внутри разгорается костер.

Бросаю короткий как пуля взгляд на своего парня, бывшего парня. Он подпирает стену и смотрит с таким сожалением на меня. Внутри осколки хрустят от него такого.

– Как давно ты меня обманываешь? – боль разливается в груди как жидкий азот, – как давно у тебя другая?

– Аленка, прости... я такой дурак...

– Ты предатель!

Выплываю.

Я всегда считала, что только в книжках такое бывает, ну, в романах еще, где, казалось бы, любящий мужчина изменяет

своей женщине.

В жизни же мне это тяжело представить. Ты знаешь своего любимого человека настолько, что губительна мысль о другом. Этот другой совсем чужой, незнакомый. Не тот запах, не те глаза, не те прикосновения.

Анечка стоит и кокетливо закусывает пухлую, накачанную губу. Глазками стреляет то в меня, то в Ваню. Нет ни грамма неловкости или сожаления. Тотальное безразличие и пофигизм.

Слез нет. Пока нет. Они подавлены ненавистью и гневом. Пальцы потряхивает, словно я страдаю тяжелой формой болезни Паркинсона.

Мои вещи аккуратно сложены стопкой на краю дивана. Бросаюсь к ним и одеваюсь. Нет желания больше находиться здесь, рядом с ним. И с ней.

– Алена, подожди, пожалуйста. Давай... давай поговорим.

Ваня кидается ко мне и касается локтя. Кожа мгновенно промораживается до самой кости, а следом обжигает раскаленным железом.

– А есть о чем?

Горло удушливо стягивает. Понимаю, что вот-вот могут хлынуть слезы. А такого я не могу себе позволить. Не при ней.

Ведь я чувствую, что Ваня не только предал меня, он унизил.

– Это все, – он обводит взглядом Аню, та морщится, –

никогда не заменит мне тебя. Ты сейчас не понимаешь, но потом обязательно поймешь.

Фыркаю. Щеки пылают, губы подрагивают. Никак не могу отделаться от ощущения какой-то грязи, в которую меня окунули с головой без спроса.

Ваня касается подбородка, хочет развернуть меня к себе, чтобы смотрела в глаза. А я не могу. Пока не могу.

Вдруг посмотрю и... поверю, прощу?

Слишком уязвима сейчас.

– Не трогай меня. Не после нее, – кошусь на пепельную выдру. Та снова цыкает, но ни слова не говорит.

Надеваю джинсы, сверкая задницей. У меня она не такая аппетитная как у Анечки. И грудь... тоже меньше. Я вся не такая. Меньше, глупее, доверчивее.

В коридоре останавливаюсь. Забыла косметичку в ванной, а там мои вещи. И смазку еще надо Саньке вернуть.

Резко разворачиваюсь и натыкаюсь на Ваню. Он стоял так близко позади меня. Вдох – и начинаю плыть. Его запах обволакивает меня. В голове всплывают воспоминания: как мы целовались на последнем ряду в кинотеатре, как гуляли в парке до позднего вечера, как смеялись, думали над будущим.

Тысячи острых ножей и кинжалов разрывают грудную клетку, режут ее, кромсают.

– Я все равно тебя люблю, Ален. Ты... простишь меня. Я сделаю так, что простишь.

– Никогда, Вань.

Открываю дверь и ухожу.

Не знаю, стоило ли устраивать скандал, вырывать ли патлы этой пепельной, уверена, они наращенные. Я ведь никогда не попадала в такие ситуации. Не знаю, как правильно или как следует.

Поэтому просто молча выхожу из его квартиры и медленно бреду до лифтового холла.

Внутри зияет огромная дыра, словно я словила пушечный выстрел в упор.

Лифт, как назло, едет медленно-медленно. Не хочу сейчас думать или рассуждать о произошедшем. Только мысли все равно крутятся как шарики в барабане с лотереей. Мозги воспаляются от их скорости, и голова раскалывается надвое.

На улице устойчивый мороз, снег прекратил валить как ненормальный, а сейчас я бы хотела закружиться в этом водовороте. Глядишь, занесло бы куда-нибудь далеко. Например, в другую страну, на другую планету...

Достаю свой телефон, набираю Шурке. Домой вернуться пока не могу, а у подруги можно переночевать. Все, как и обещала маме.

– Вы уже все, что ль? – задает свой вопрос, стоило ей ответить на звонок.

Волновалась, наверное.

– Мы с Ваней все. Больше не вместе... – говорю и чув-

ствую, как щеки царапает холод.

Одна слеза скатывается, за ней вторая. Меня накрывает от произошедшего как лавиной. Нельзя уже остановиться, даже вдох сделать не получается.

– В смысле?

– Он был с другой. Пришел с другой, когда я там... све-
чи... палочки... себя готовила...

Перед глазами опять та картинка, а в голове их голоса.

“Хочу тебя”

“Иди ко мне, Анют”

Хочется кричать как гарпия, а когтями раздирать все, что попадает на пути. Ненависть выплескивается изнутри и смешивается с ядерной обидой.

– Я могу прийти к тебе, Сань?

– Конечно! У меня виски, ведро мороженого и дружеское плечо, которое можешь измазать своими слезами и соплями, ты ведь знаешь.

Получается усмехнуться.

Санька...

– Приходи. Будем думать, как отомстить.

Глава 3. Ваня

Выгнал Анечку на хрен и всю ночь проспал на диване, где сидела моя Аленка. Кажется, я еще долго чувствовал ее сливочный аромат вокруг себя. Как наркоман лежал и дышал.

Свечи к тому же эти вокруг, палочки какие-то. Для меня старалась, для нас. А я...

– Костян, ты вечером свободен? – не вставая, набираю номер друга.

– А что? – голос бодрый, хотя вчера в клубе тусили вместе. И пили мы тоже вместе.

– Думал, пересечемся. Обсудить кое-что хотел.

Точнее, спросить совета. Что делать и как вымалывать прощение? Аленка, она же такая чистая, непорочная. А мысли одно время у меня были очень даже порочные. Не мог же я накинуться на мою девочку с просьбой все исполнить?

И девчонки все эти были так... пар сбросить. Пока Аленка не будет готова.

Готова она оказалась неожиданно. И не вовремя.

Где-то внутри свербит чувство, что так мне и надо. Заслужил. Предал.

От этого так хреново, хоть о бетонную стенку бейся. В голове слова ее последние перед уходом вертятся. И все, как вены кто-то невидимым ножом вскрывает. От запястья до самого локтя. Больно и страшно.

– У отца сегодня юбилей.

Черт, точно. Отец Костяна – Исаев Александр Юрьевич – известный адвокат в столице. Представляю, какой праздник забавляют. У них семья огромная.

Внутри просыпается что-то из детства, когда зажимался в углу у окна и смотрел на коттедж, построенный рядом с моим детским домом. Словно кто-то специально посмеялся там сверху, чтобы дети без семьи наблюдали за счастьем тех, у кого есть мама и папа.

Я хотел семью. Я хотел того, что хотят все дети. И немного больше.

– Ясно, – отвечаю.

– Но постараюсь вырваться чуть раньше. Обычно после того, как тетя Яся выходит танцевать, можно уже сматывать удочки, никто и не заметит.

Весь день хожу как неприкаянный, из угла в угол, и постоянно прокручиваю вчерашний вечер. Да и вообще все вечера, когда в моей постели была другая.

Такой гнидой себя чувствую. Как увидел застывшие слезы в глазах Аленки, что-то внутри перестроилось. Говорят, так резко не бывает.

А у меня случилось.

Я же ее люблю, правда. Сердце выкручивается от этого чувства.

Телефон, понятное дело, недоступен. Сообщения не доходят.

А если это и есть конец? Если не простит? Или, не дай бог, под другого ляжет из вредности?

Аленка ангел, но если ее задевают, а я задел, она становится чертенком.

Костян приходит поздно вечером. При параде весь и как всегда хмурый. Это его перманентное состояние. Его сложно вывести на эмоции. И правда, сын своего отца, настоящий адвокат.

Иногда задумываюсь, почему мы дружим? Причем с детства, с того самого момента, как меня мама с Гришей забрали из детдома.

Мы с Костей настолько разные, общее у нас только разве что пол.

– Я ненадолго. Отец работой загрузил, надо завтра к нему в офис ехать.

– Все-таки припахал?

– Я сам.

Да, одно из главных наших отличий, что у Костяна будущее все расписано. Он будет известным адвокатом в фирме своего отца, которая достанется ему по наследству. Умный и талантливый преемник. Единственный.

Я же... без рода. Нет, Гриша, муж мамы, меня любит, наверное. Но я прекрасно осознаю, что свое будущее буду строить сам. Мне никто не принесет должность или работу на блюдечке. Хотя, не совру, благодарен за образование, которое получаю.

– Курить хочешь? – начинаю с порога.

– Не курю. Забыл?

Костян огибает взглядом комнату, где расставлены свечи. Хмурится еще больше. На столе все было приготовлено к ужину: красивая скатерть, приборы, все дела. Я ничего не убирал.

Если трону хоть что-то, сотру своими руками все, что делала для меня Аленка.

– А я вот бросить никак не могу, – достаю одну из пачки трясущимися руками и прикуриваю.

– На балкон не хочешь выйти? Сейчас все провоняет.

– Точно.

Друг следует за мной.

А я не могу начать разговор. Да и как?

“Что мне делать? Я подлец, изменял Аленке”.

– А если Аленка учует. Ей же... – замолкает.

Мне кажется, Костян набирается сил, чтобы продолжить. Его эта тема задевает. Всегда задевала, когда дело касалось Аленки. Мы же все дружили с детства. Потом наши с ней отношения переросли в нечто большее. Костян остался в стороне...

– У нее астма, забыл? – зло заканчивает свою мысль.

– Так я и не при ней курю. А если перед встречей, то зубы чищу. Не придраться, – развожу руки в стороны. Ну, правда, что пристал? – Да и вообще, скоро брошу. Я это... Аленка все узнала. Пришла вчера ко мне, красивая такая... а я с

Анечкой заявился.

Сказал. Камень с плеч не упал. Он грохнулся, придавливая меня насмерть. Сейчас осознание накрыло с такой силой, что задыхаюсь.

Вдыхаю никотин со всей дури, пока глаза из орбит не вылезли.

Сука, больно.

Сердце в тиски зажимают и сдавливают, кровь брызгает в разные стороны.

– И что ты хочешь от меня? – как ни в чем не бывало спрашивает. словно я рассказал анекдот, над которыми он никогда не смеется.

– Совет. Что делать?

Костян скрещивает руки на груди. Выглядит старше своих лет. Нам всего-то двадцать.

Мы с ним с шести лет играли в машинки на заднем дворе. А сейчас я стою, курю, Костян же уничтожает меня своим взглядом. Заслужил, че.

– Оставь ее уже в покое, – безразлично говорит.

Твою ж мать, аж расплывается все передо мной от одной только мысли. Лучше сдохнуть.

– Не могу, как ты не понимаешь! – кричу.

Под ребрами разрывается все от необъяснимого чувства. То ли ревность, то ли гнев.

– Я люблю ее, – выкрикиваю, словно Аленка может сейчас меня услышать. Я говорил ей это сотни тысяч раз, может, и

больше. И только сейчас понял, что нужно было тихо говорить ей на ушко. И каждый день ждать, ждать ее.

– Но трахаешься ты с другой! – очередь Костяна выкрикивать.

Стоим набычившись. Капец какой-то.

Думал, после разговора станет лучше, а стало только хуже. Вот-вот еще и с другом поругаемся. Ему Аленка тоже не чужой человек.

– Больше не буду.

– Как ребенок!

Замолкаем одновременно. И дышим часто, будто только бег завершили на короткую дистанцию. А я никогда не любил бег. Скучно.

Костян смотрит куда-то вдаль. Вид у меня на Набережную. Квартира – подарок Гриши на поступление в Юридическую Академию.

– Она простит меня, вот увидишь. Потому что любит. А я никогда больше не совершу ошибок.

Глава 4. Алена

В комнате полумрак. Только еще с Нового года на карнизе цветные огоньки горят. Взглядом цепляюсь за красный, который сменяется желтым, затем зеленым, и они быстро-быстро начинают мигать.

Три дня прошло с того вечера. Телефон я включаю исключительно в одно время, в шесть часов, чтобы пообщаться с Санькой, узнать последние новости и тут же выключаю.

Наутро после случившегося Ваня заваливал меня звонками. Пришлось отключить, как только вернулась домой.

Зачем звонит? Почему? Что нового мне хочет сказать?

Мне и хочется его выслушать, но, блин, так страшно.

В груди постоянно колет, сердце, не прекращая, болит.

– Я думал, ты спишь, – после коротких стуков папа заглядывает ко мне в комнату.

Он скептически осматривает мои владения и садится на край кровати.

– Так время-то еще?

– Время девять. Мама девчонок уже укладывает.

Судорожно хватаюсь за телефон, который, конечно же, выключен. И Сашке не позвонила. Может, меня вырубил?

Последние ночи очень плохо сплю, сны дурные снятся, я и просыпаюсь. Потом ворочаюсь полночи, пока меня не накрывает сонным маревом.

– Прости, я просто плохо себя чувствую.

– Обидел кто? – его тон меняется. Становится жестким и ледяным.

– Со мной все в порядке.

Рассказывать папе о случившемся как-то неправильно. Ну серьезно? Нисколько не сомневаюсь, что он меня защитит, но я как бы взрослая уже. Да-да.

Это не тот случай, когда меня в детском саду мальчик укусил, а папа вывел отца этого мальчика “на разговор”.

– Иван? Признайся уже.

– Нет, – тяну с ответом и отворачиваюсь.

В груди знакомо тянет, будто на ужин я целую тарелку кирпичей съела.

Ужин... Вот блин, совсем забыла про него.

– Уши ему надеру, если обидит.

Усмехаюсь. Папа может.

– Все в порядке, пап. Правда.

Он вздыхает так тяжело, что не выдерживаю и обнимаю его за плечи крепко-крепко.

– И если хочешь знать мое мнение...

– А я его знаю, – перебиваю.

– Если хочешь знать мое мнение, – упрямо повторяет.

Олег не мой родной отец, и я это знаю. Но для меня он настоящий папа. И иногда кажется, что мама могла что-то напутать, потому что такого сходства, как у нас с ним, я еще никогда не встречала. Мы очень похожи и внешне, и внут-

ренне. Ну, насколько могу судить.

– Ванька хороший парень. Но не для тебя.

Закатываю глаза и цокаю языком. Снова волна наставлений. Каждое слово я знаю наизусть, а папа – каждый мой ответ. Но мы упорно день за днем все это повторяем.

– Он еще не дорос.

– Он еще не дорос.

Говорим одновременно. Папа прищуривается, я прикусываю внутреннюю сторону щеки, стараясь подавить улыбку. Или смешок.

– Спускайся, поешь. Ты же так и не вышла из комнаты на ужин, – чуть смягчаясь, говорит.

А я снова обнимаю. И сейчас так хорошо становится, спокойно.

Что я в самом деле раскисла? Мой парень просто мне изменил, предпочел не ждать меня, а найти себе другую.

Это жизнь. Никто не умер, все живы.

Сейчас закончатся каникулы, начнется второй семестр в Академии. Все вернется в прежнее русло. Но с некоторыми изменениями.

Отныне я свободная девушка.

Мама уже уложила девчонок и разогревает мне ужин. Коротко улыбается, руками держится за край столешницы, словно сильно утомилась. Папа замечает все, обнимает ее со спины и тихо просит присесть.

Такие они классные сейчас. Домашние, уютные. Любят

друг друга. Я хочу, чтобы у меня тоже был мужчина, который вот так вот бережно будет ко мне относиться. Чтобы любил меня сильно-сильно, до потери пульса.

Накидываюсь на еду, будто век не ела. Оказывается, когда страдаешь, забываешь вовремя поесть. Я же первый раз с этим столкнулась.

– Вкусно? – мама бросает взгляд на тарелку с макаронами и курицей, бледнеет на глазах. Или зеленеет.

– Очень, – отвечаю с набитым ртом. Мама рот зажимает. Зависаю на мгновение с непрожеванным филе во рту, рот открываю.

Да ну на фиг?

– Ты... ты беременна?

Курица застревает где-то в горле. Уставилась на своих родителей. То на одного смотрю, то на другого. На кухне тишина.

– Говорят, сейчас многодетным какие-то скидки полагаются. Ты же уже вымахала! – отдуплется папа. Но его вообще сложно смутить.

– Ну вы даете. У вас же есть я, сестра моя, еще сестра... Смешно, ей-богу.

– Ты не рада? – мама спрашивает настороженно.

Курица все-таки падает в желудок, я растягиваю губы в улыбке. Ну как потом рассказывать о своих переживаниях, когда у них вон что намечается? Им сейчас так хорошо, что портить им настроение...

Справлюсь.

– Рада, конечно, рада, мамуль.

В комнату возвращаюсь в каком-то странном состоянии. Дома все хорошо, вот, скоро нас станет еще больше, но на душе серо и тоскливо. Как ноябрь, который я терпеть не могу.

Включаю телефон, и на меня сыплются пропущенные сообщения и звонки. Обсыпает с ног до головы как конфеты из пиньяты. Сладости люблю, а вот то, что творится сейчас с моим телефоном нет.

Саня, Ваня, снова Шурка, пять раз Ваня – не унимается никак, – Костя... Один раз звонил.

Мы с ним последнее время редко общаемся, если наше “привет” и “как дела” можно назвать общением. Еще два года назад мы были ближе. Пили воду из одной бутылки, покупали упаковку жвачки на двоих, обсуждали российский кинематограф.

Думаю набрать его, узнать, может, случилось что... Хотя он же близкий друг Вани. А если тот подговорил его мне позвонить? Или хуже, сам звонил с номера Костика.

Саня опережает и звонит мне первой.

– Солнце, солнце, я звезда. Ответьте, как слышно меня? Прием.

– Шурка?! – прыскаю в трубку.

– Ну что? Забыла, что в шесть часов вечера у нас плановое заседание?

– Прости, уснула, – с ногами залезаю на кровать и откидываюсь на подушки.

Их у меня тьма. Как приятно лежать, а вокруг тебя столько мягких подушек.

Ване тоже нравилось...

– Аленка, в пятницу у мажорика тусовка старшекурсников. Они решили затусить перед экзаменами и дипломом.

Мажорик это тайная для всех, но явная для меня безответная любовь Саньки. Парня зовут Слава, он очень крутой на потоке, у него офигенная тачка и стильная прическа. По словам Шурки, он отпад. А еще неприлично богат. Точнее, его родители.

Мы всегда ходили на такие тусовки вместе с Ваней. А теперь я вроде как лишняя там.

Мозг отчаянно начинает вырабатывать мысли и соображения, которые выплевывает как банкомат деньги. То и дело закусываю уже порядком истерзанную нижнюю губу. Нервничаю.

Ваня будет там? С этой Анютой?

Ревность глушит и слепит. Но вместе с тем боль не отпускает. Только сильнее стягивает пространство за ребрами.

– Пойдем? – не унимается Саня.

Зажмуриваюсь, перевожу дыхание, а оно сейчас участилось и приходит в норму не собирается. В горле сгусток из воздуха, застрял сильнее курицы за ужином.

– Давай, – наконец, говорю.

Пусть Ванечка увидит, что мне и без него хорошо.

Глава 5. Алена

Квартира мажорика рядом с институтом. И чтобы не терять времени, я приезжаю к Сане в обед со всей одеждой, которую сочла подходящей.

Мама успела подумать, я переезжаю.

– Аленка, у тебя такие шикарные длинные ноги! А задница! Ты себя со стороны просто не видишь.

– Это не значит, что мне нужны шорты, которые больше смахивают на трусы.

Киваю на кожаные ультракороткие шорты. Я только что сняла их после примерки.

– Джинсы? – верчу перед глазами свои любимые “Левайсы” с высокой посадкой.

– Нет! Ты идешь на занятия или развлекаться?

– Я иду просто посмотреть!

Мы ругаемся, и Шурка еще какое-то время перебирает всю гору одежды, что притащила. Достает от туда кремового цвета платье. Руки полностью и ноги сплошь из кружева. Плотная, непрозрачная ткань только прикрывает нижнее белье.

Откуда оно у меня вообще взялось?

Красивое, даже засмотрелась.

Ване бы понравилось, я в этом уверена.

– Вот, держи. И. Без. Вопросов!

Надеваю и выхожу к Саньке. Платье словно сшито по моим меркам. Значит, Шурка его точно не подкинула мне. Оно мое.

Улыбаюсь, когда вижу свое отражение в зеркале.

Я нечасто надеваю платья. Ведь в джинсах намного удобней, правда? Кеды на ноги, толстовка сверху и вперед на учебу.

К моему образу сейчас добавились туфли на каком-то нереальном каблуке. Косметики минимум. Только черные стрелки и тушь. Ресницы у меня длинные, хватает пары взмахов кисточки.

– Отпад! Была бы мужиком, трахнула б тебя, Ольшанская.

– Саня!

– Ну а что? Дурак твой Ваня, такой дурак!

– Знаю.

– Злишься еще?

Устало опускаюсь на вещи, чуть не падая со всей этой огромной кучи.

– Не знаю, – признаюсь.

Я настолько запуталась в чувствах, что сложно. Банально сложно разобраться. Мы знакомы с детства. Сначала дружили, потом начали встречаться, планировали будущее. То, что Ваня мне изменил, цепляет не только как девушку, но и как его друга. Своими поступками он словно перечеркнул все, что было.

– Не хочешь отомстить? – осторожно спрашивает.

Слезы, которые должны уже политься из глаз, затекают обратно под позорный шмыг носом.

– В смысле?

– Ну, замутить с кем-нибудь?

– Замутить?

– Ален, что ты как из аула? Найти парня и хорошо провести с ним время.

– Зачем?

– О, господи. Что ж так тяжело? Чтобы он почувствовал то, что чувствовала ты.

– И... изменить?

Хочется уточнить, Саня имела в виду секс? Ну, конечно, имела. Что я, действительно, как из аула?

– Это по желанию. Никто же не будет заставлять тебя ноги раздвигать. Просто проводи время с другим. В конце концов, развеешься. Ты кроме Ванечки же вообще никого не замечала! Заиклилась на нем, словно он один на всей планете.

До мажорика мы вызываем такси. Доезжаем за каких-то полчаса. Успеваю вся известись. Для меня сейчас все, что происходит, так необычно. Я привыкла везде появляться с Ваней, никогда не тратила на подготовку весь день.

Уже несколько раз думала, может, развернуть такси и поехать домой? Останавливала только Саня, которая каким-то образом чуяла мое настроение и медленно качала головой.

– Волнуешься? – спрашивает, когда поднимаемся на лифте.

– Все это дико.

– Не бойсь, я с тобой. Саня тебя не бросит.

Звоним дважды, нам открывает сам мажорик. Саня крепче вцепляется мне в руку. Перед ней объект ее обожания, который удерживает длинноногую платиновую блондинку за талию.

Почему они все любят этих пепельных шаболд?

– Уау! Девчонки! Аленка, если бы я знал, что ты такая, давно бы тебя забрал из-под Ивана, – развязно говорит.

У меня все ухает внизу, и сердце тарахтит как мотор трактора: “тр-тр-тр”. Ладони предательски потеют, когда Шурка аккуратно высвобождает свою руку.

– Ну че? Заходите!

В квартире тьма народа, гремит музыка, но уши не закладывает от битов. Пахнет выпивкой, на языке уже горькая капля растекается.

– Шампусик, девчат, – мажорик откуда-то достает фужеры и вручает нам с Саней.

– Я не...

Собираюсь сказать, что я не пью. Не люблю. Ну, разве что на Новый год. Но кто-то подталкивает фужер к моему рту, вынуждая опрокинуть золотистую жидкость в себя.

Не кто-то, а мажорик.

Пузырьки раскалываются во рту с шипением. Приятным шипением. Шампанское сладкое и вкусное. Кажется, я даже не злюсь, что позволила такому случиться.

– Ну, вот и славно. Считайте, это штрафной, – подмигивает и уходит.

Ваню замечаю не сразу. Он стоит у окна с Петей, своим однокурсником. Я же всех их знаю.

Наши взгляды встречаются, я полностью замерла. Каменной статуей себя чувствую, у которой чувства кипятятся. Так горячо внутри, до слез.

Взгляд его трогает. Пронимает каждую клеточку.

Как он мог? Как он мог так с нами поступить?

Мы ведем немой диалог между десятками людей, стоящими между нами.

Боль никуда не ушла, только усилилась во сто крат. Словно выкорчевывают что-то теплое и хорошее из груди. Зажмуриться хочется от этой непрекращающейся боли и закричать.

Люблю? Или уже ненавижу?

Отворачиваюсь, когда понимаю, что Ваня идет ко мне. А я не хочу, не готова. Оказалась не готова к встрече и разговору. Шампанское не поможет, пусть уже и дало в голову. Мы же с Саней толком-то не ели ничего сегодня.

Его шаги слышу я одна. Замедленные, звонкие. Господи, где музыка? Где веселье? Где танцы?

Мне нужно срочно куда-то себя и свое тело деть.

– Привет, – от его голоса привычно все замирает внутри. Хочется улыбнуться, а память подбрасывает воспоминания того вечера.

– Привет, – сухо отвечаю.

– Поговорим?

Вздыхаю. Растягиваю губы в хищной улыбке. Сердце трепещет, словно на терновый куст его посадили.

– Нам не о чем, Вань. Но ты можешь поговорить со своей платиновой подружкой. Кстати, где она?

– Ален, прошу.

Злюсь, как же я сейчас злюсь. Мне кажется, даже комната приобретает красные оттенки.

Отхожу. А Ваня не останавливает.

Даю себе слово, сегодня буду веселиться несмотря ни на что. Пусть Ваня видит, что я не страдаю, не хочу, чтобы он это знал. Увидь бывший парень мою боль, ему тоже будет больно. А если он увидит, что мне хорошо, Ване больнее будет в разы.

Шампанское здорово пьянит. Мне нравятся эти веселые пузырьки, которые покалывают язык.

На столе пицца и суши, но я ничего не ем. Не хочу. В солнечном сплетении постоянное напряжение. Я кажусь себе открытой и общительной, но кто бы знал, как мне плохо внутри.

По спине постоянно чувствую незримое касание. Ваня. Он как тень за мной следует и пытается вырвать на разговор.

– Эй, кто уже изрядно пьян и готов? – мажорик, покачиваясь, встает на журнальный столик. Как только тот его выдерживает?

– Бутылочка? Ты что из прошлого столетия? – кто-то из

ребят выкрикивает. Девчонки смеются.

Всем весело, правда. И мне.

– Да ладно вам, че вы такие скучные? Я, может, пососаться хочу. С ней, – указывает на девчонку в углу. – И с ней, – еще одна, – Аленка вообще чума.

От наглости аж рот приоткрылся. Глаза выпучила. Что он только что сказал?

– Короче, быстро сели. Я тут хозяин.

Смотрю, как все послушно рассаживаются по кругу.

– Давай, давай, Олышанская. Ты же, насколько мы знаем, уже свободная девушка, – и ржать начинает.

Напрягает. Сильно напрягает. По коже холодок прокрадывается, как кусочком льда вдоль позвоночника провели.

И я сажусь под упрямый и немного злой взгляд Вани. Он сел напротив и сверлит в моем лбу дыру.

Один раунд, второй. Ладони снова вспотели, спина взмокла.

Бутылочка останавливается на всех, кроме меня. Каждый раз выдыхаю. Ведь я не такая смелая, как может показаться. Меня пока мутит от одной мысли, что должна буду касаться чужих губы. И, о боже, языка.

Момент, когда Ваня целует брюнетку Лиду, я отправляю к тем воспоминаниям, когда встречала в его квартире. Сердце царапают ее вздохи и ахи.

Когда они целуются, мы скрещаемся с ним взглядом.

Их поцелуй настолько близко к моему лицу, что я вижу

ниточки слюны. Его губы, которые жадно захватывают ее. Они сосутся, противно сосутся у меня на глазах. Назло.

Господи, невыносимо сдавливают в груди. Мне больно. Но я никогда этого ему больше не покажу.

– Ну-у нечестно, почему Аленка сидит просто так? – мажорик разыгрался.

Сжимаюсь и перестаю ровно дышать. Все это слишком, но я упрямо сижу между двумя парнями, улыбаюсь и хлопаю длинными ресницами. Мне нужно играть веселье и беззаботность.

– Крути. Твой черед!

Приказывает.

А я... раскручиваю эту долбанную бутылку из-под шампанского.

В ушах по барабанным перепонкам долбит пульс. Кожа вся стесана чужими взглядами, пока эта бутылка раскручивается.

Остановка.

По венам бежит ток как по проводам. Они искрят и больно жалят. В горле давит, щеки горят неестественным огнем, волосы на затылке шевелятся. В позвоночник словно вбили фонарный столб, сдвинуться не могу, так и сижу, застывшая.

Мне и страшно, и интересно.

Горлышко показывает на просвет между двумя девчонками. Сначала я вижу ноги в темных, почти черных джинсах, потом белую футболку. Руки убраны в задние карманы.

– Черт, Костян, ты мог бы чуть позже подойти сюда, а?
Вот... блядь. Я бы сейчас уже с Аленкой сосался.

Глава 6. Алена

Впиваюсь взглядом в ошарашенное лицо Кости. С каждым моим вдохом он хмурится сильнее. Челюсти сцеплены намертво. Его раздражение чувствуется на километры. Это почему-то задевает и трогает.

Что? Как девушка ему не нравлюсь?

– Целуй Исаева давай, Ольшанская, – грустный голос Славика звучит сейчас как давно расстроенное пианино.

Черт, и что же делать? Я как бы не хочу целоваться с Костей, я вообще ни с кем не хочу целоваться, кроме... Вани.

– Она не будет ни с кем целоваться, – говорит мой бывший парень и взглядом казнит.

Там столько злости, граничащей с отчаянием. Пугает.

Как вообще смеет? Его язык доставал до гланд Лиды, он и слова не может мне сказать против моего поцелуя с Костей. Ни сло-ва!

Резко вскакиваю с места до звездочек перед глазами. Шампанское ударяет в голову как металлические тарелки, и я морщусь от простреливающей боли.

Пальцами нащупываю какую-то ниточку на кружеве платья, тереблю ее, наматываю, тяну.

Медленно подхожу к застывшему Косте. Изучаю его лицо.

Никогда раньше не замечала, что его карие глаза с зелеными вкраплениями, ресницы кажутся длиннее моих. Меж-

ду густых бровей глубокий залом. Слишком глубокий для двадцатилетнего парня. Его темные волосы кудрявятся, и это так мило.

Сердце вкалывает как мотор. Шумит, дребезжит, работает на износ.

– Алена, прошу, не надо, – просьба Вани кажется такой дикой. Не к месту. Теперь еще больше хочу поцеловать Костю, что бы потом между нами ни происходило.

И если нашей дружбе придет конец... я готова рискнуть, только бы увидеть отголоски боли в глазах Ивана.

Поднимаюсь на носочки и касаюсь горячих губ. Костя не отталкивает, этого я боялась больше всего.

Если парень в поцелуе толкает девушку в грудь, чтобы не смела лезть... что может быть хуже?

Нежную кожу покалывает, словно ее обмакнули в шампанское. Робко открываю рот и втягиваю губы Кости, косаясь их кончиком языка.

Все тело начинает коротить. Уши закладывает от нарастающего напряжения. В голове пустота, я могу только чувствовать, как тепло разливается по моим губам, в грудной клетке у самого сердца, в животе, чуть ниже солнечного сплетения, и в промежности. Последнее особенно приятно, но пугающе.

Секунда, вторая, третья.

Наш поцелуй лишь касание губ. Дыхание Кости ошпаривает левую щеку, она начинает гореть.

– Хватит! – кричит Ваня.

Дрожь в моем теле усиливается. Ощущения накрывают с головой и пока не знаю, что все это значит. Что происходит...

Отстраняюсь, не поднимая взгляда на Костю.

Это было мощно. Словно коснулась запретного и теперь буду за это отвечать.

Наивная девочка Алена думала сделать плохо своему бывшему парню, а сделала плохо себе, ведь после такой эйфории ощущение дна бьет как бита.

Сантиметр, два, три... Лицо Кости все дальше от моего.

А потом он цепляет за подбородок и возвращает все как было. Только теперь сам целует меня. И это не имеет ничего общего с тем поцелуем, который подарила ему я. И ничего общего с тем, как целовал меня Ваня.

Я словно окунулась в горячую воду и выбежала на мороз. Все тело покрывается потом, а воздух будто исчезает из легких. Там только горячий пар, с которым организм и не знает, что делать.

Его язык без препятствий проникает в мой рот. От неожиданности распахиваю глаза. Вкус взрывается на языке, и кровь потоком устремляется куда-то вниз.

Он втягивает нижнюю губу, засасывает ее, играет.

Черт, Костя многих девушек целовал, раз умеет проделывать такие штуки, что чувствуешь, как он умело приручает.

Упираюсь ладошками в твердую грудную клетку, хочу оттолкнуть, а получаю только глубокий толчок языка еще глуб-

же в рот.

Да что Исаев творит?

Кончается все резко, как по щелчку пальцем. Мне становится холодно, одиноко и мерзко.

Костя стал вторым парнем, с которым я целовалась в своей жизни. И мне понравилось. Безумно, до сгибающихся колен, до порхающих бабочек в животе, до позорных стонов, которые силой проглотила.

Его взгляд режет. Там столько злости, просто уничтожающе много. Я не знаю такого Костю. Мы не могли скрываться вечерами от родителей, смотреть очередную американскую комедию с пошлыми шутками или покупать одну бутылку воды, потому что нести две было бы лень.

Передо мной другой парень, незнакомый.

– Ну, Костян, ты даешь! – Слава рушит нашу дуэль взглядов.

Мы все еще стоим посередине большой гостиной. На нас все смотрят. И Ваня тоже.

Что, мой хороший, не ожидал? Я сама от себя, честно говоря, не ожидала. Что, оказывается, это просто... целоваться с другим. А думалось невозможным.

Не разбирая дороги, быстро хватаю верхнюю одежду, в которой пришла, и выбегаю из квартиры мажорика. Там где-то осталась Саня, но с ней объяснюсь потом, учитывая, что подруга сразу куда-то пропала после того, как мы зашли.

Остервенело жму на кнопку лифта. Дом же новый, лифт

сверкает как банковский сейф. Должно быть все быстро и четко. А все замедлилось.

Только дыхание никак перевести не могу. Сердце хочет пробить ребра, пространства моего тела ему, очевидно, мало.

Быстро забегаю в лифт, створки закрываются, я слышу голос Вани. Он зовет меня, что-то кричит вслед.

Прижимаюсь спиной к стене лифта и хочу, чтобы меня сейчас оставили в покое.

На улице снова непогода. То ли снег, то ли дождь. И это середина зимы. Под ногами собирается каша, а я в одних туфлях на шпильке. Готова рискнуть целостностью своих костей.

– Алена! – слышу позади.

Ваня не отстает. Его шаги быстрые, и двух метров не смогла пройти, как он хватает меня за локоть, грубее, чем хотелось бы, разворачивает.

Врезаюсь в него, чуть не падаю. Поскальзываюсь, но Ваня успевает удержать меня. Шумный вдох и тысячи молекул с его запахом атакуют мои рецепторы.

Сильнее зажмуриваюсь, потому что лавиной накатывают воспоминания наших дней, чувств, которые он не сберег.

Ваня крепко вцепился в меня, до отрезвляющей боли.

– Ты во всем виноват, – жалобно говорю, практически пишу.

– Виноват!

– Зачем тебе все это надо было? Зачем все эти девки были? Ты меня совсем не любил? – бью его кулаком в грудь. Все внутри пылает от дикого ощущения какой-то несправедливости и обмана.

– Блядь, Алена, я трахаться хотел! Мне двадцать лет. Ты думала, мне по приколу только за ручки держаться и иногда сосаться у тебя под окнами?

– А я не давала, да? – с сарказмом произношу.

Я не оправдываю его. Не хочу оправдывать.

– Не просто не давала, ты сбегала от меня, будто я не знаю, что собирался с тобой сделать.

– Мне было страшно. Это же мой первый раз, – снова писк.

Стремительно летящие снежинки забираются за ворот и покалывают своим холодом. Отрезвляет. Не дает впасть в неконтролируемую злость. Я пока держусь. Даже не плачу, почти.

– Ты мне не доверяла.

– И оказалась права.

Между нашими губами катастрофически мало свободно-го пространства. И оно стремительно уменьшается, Ваня все сильнее наклоняется.

Касается губ, целует, а я отталкиваю.

Я только что целовалась с его другом так, как никогда раньше. У меня во рту еще перекачивается вкус чужого парня.

Так нельзя, это неправильно!

Чувствую себя сейчас... грязной.

Вырываюсь.

– Нет! – кричу.

И убегаю.

Кажется, я бегу быстро, будто за мной гонится Ваня. А его нет. Ни шагов больше, ни сбитого дыхания.

Чуть не поскользываюсь на плитке и оборачиваюсь. Ваня и не пошел за мной, не стал догонять.

Это конец.

Иду прямо без единой мысли в голове. Снег этот липкий и противный не дает нормально смотреть вперед, слепит и забивает глаза.

Слышу только, как машина с визгом останавливается. Хлопок двери. Сердце бросается вскачь, пытаюсь сказать мне об опасности.

Ускоряюсь. Человек идет за мной, срываемся снова на бег, пока меня не касаются чьи-то руки, вынуждая остановиться.

Глава 7. Алена

В машине очень тепло, она не успела остыть за то время, пока ее хозяин был в квартире мажора. На замерзшие колени дует теплый воздух, я робко ловлю теплые потоки заledenевшими пальцами.

Костя ведет машину аккуратно, совсем не в стиле молодого двадцатилетнего парня, у которого новенькая черная “Ауди”.

Украдкой рассматриваю профиль Исаева и сразу вспоминается наш поцелуй. Проклинаю шампанское. Это все из-за этих гребаных веселых пузырьков. Если бы не они, я бы не решилась.

На улице поплывшее сознание медленно, но уверенно пришло в норму.

– Куда ты меня везешь? – решаю спросить.

В салоне даже музыка не играет. Тишина изрядно смущает. Я помню каждую секунду нашего поцелуя, а теперь сложно поднять взгляд и посмотреть в глаза Исаева.

Хочется вообще сквозь землю провалиться.

– Домой.

Включает левый поворотник и перестраивается.

– Я бы и сама могла, – стараюсь придать голосу уверенности, а на деле как ежик, от каждого вдоха рядом сидящего парня в клубочек свернуться хочется.

Костя недовольно хмурится, выдох медленный, раздраженный.

– Помнишь, тебе было лет десять или одиннадцать, когда мы бесились у бассейна, и к соседям через забор улетел мяч для волейбола?

Я помню. Это было на следующий день после дня рождения Вани. Тот июль оказался жарким до безобразия, единственным спасением был бассейн. Почему-то у родителей Костика нам нравилось больше в бассейне. Может, потому, что, он был огромным как футбольное поле, вода не успевала прогреваться и хорошо охлаждала.

– Его кто-то из вас закинул, – упрямо отвечаю и отворачиваюсь к окну.

Почему все те дни, которые мы проводили вместе, отдаются тупой болью в сердце. Мы были колючими подростками, но все равно дружили.

– Дело не в этом, а в том, что ты решила перелезть через забор и забрать тот мяч.

Прыскаю. Мне хотелось показать, что я крутая и ничего не боюсь. А еще смелая, спортивная и вообще классная.

– Мы с Иваном тебя пытались остановить, но ты же упертая. Напомнить, чем твоя выходка закончилась?

Я упала. Больно ударилась коленом и... задницей. Исцарапала все тело, потому что приземлилась на куст розы.

Парням не говорила, но целую неделю потом плакала, потому что не могла смотреть на себя в зеркало. До сих пор

где-то на поясище крохотные шрамики от острых шипов.

– Твое “я сама” иногда оборачивается против тебя. Не всегда нужно показывать свой бараний характер.

Что он только что сказал? Бараний характер? Обида масштабом с галактику разрастается в груди и прорывается наружу.

Закусываю губу и терзаю ее зубами.

– Я не показываю, – цежу.

Костя хмыкает и коротко обводит меня взглядом, останавливаясь на телескопическую секунду на моих губах. Которые я поджала, блин. Она выглядит меньше, чем есть на самом деле. И я почему-то об этом сейчас думаю.

– Ты хотела сама каким-то образом доехать до дома? На своих жутких каблуках, без шапки и в сомнительной куртке? – кивает на кучу одежды на заднем сиденье.

Куртку выбрала осеннюю и легкую. Она просто подходила к моему платью. Разве, надевая все это, я думала, что придется сбегать из квартиры мажора и идти в такую погоду?

– У тебя хоть деньги есть... там? – указывает на мою сумочку размером с флешку.

Мне вдруг смешно становится. Стресс сначала сковывал, не давал дышать полной грудью. Потом обида и гнев. Так много разных эмоций и чувств. И напоследок смех.

– У меня телефон. Оплата за такси списывается автоматически.

– Открой.

– Что открыть?

– Сумочку. И достань телефон.

Хочется повредничать, даже открываю рот, чтобы сказать что-то колкое. Задевает ведь меня. Ведет себя так, словно он умнее, разумнее. И вообще...

Открываю и достаю телефон. Он разряжен.

Черт.

Верх глупости. Как так можно было вляпаться?

Мы съезжаем с дороги и поворачиваем в направлении нашего поселка. Ваня как-то говорил, что два года назад Косте отец подарил квартиру недалеко от института. Я никогда не была у Исаева дома, а напрашиваться в гости... ну такое уже. Эти два года мы общались редко.

Но сейчас он ушел с вечеринки, чтобы отвезти меня домой. В такую погоду. Потратив час своего времени, хотя мог бы зажигать... да с кем угодно. Например, с очередной платиновой дурой. Парни же любят таких.

Исаев останавливается недалеко от ворот, так, чтобы из окон нас не было видно.

На часах почти двенадцать. Родители вряд ли спят, меня ждут. А я собралась из центра Москвы без денег, с разряженным телефоном добираться.

Пора красить волосы в пепельный. Я дура.

Мы сидим в полной тишине, Костя смотрит вперед. Там перед ним, наверное, что-то невероятное происходит.

– Зачем ты это сделала? – глухо спрашивает.

– Что именно?

Конечно, я поняла, о чем спрашивает Костя, но так хочется думать, что ошибаюсь.

– Поцеловала зачем?

– Бутылочка на тебя показала, – веду плечами, тело дергается, как ток пропустили.

Пальцами касаюсь своих губ, провожу по горячей коже. Я вспоминаю тот поцелуй, и меня вновь переносит в ту комнату. Накрывает также, а дыхание заканчивается.

А потом меня еще и Ваня поцеловал. Парень будто старался стереть следы другого. Но... не получилось.

– Почему мы перестали общаться? – тихо спрашиваю.

И это правда тот вопрос, который хочу задать. Он уже который час крутится у меня в голове.

– Мы же так хорошо дружили, – вскидываю взгляд на Костю. Его скулы напряжены, я вижу, как двигаются желваки, и это странным образом завораживает.

– Мы были детьми.

– А сейчас?

– А сейчас ты девушка моего друга.

Грустно хмыкает и мажет по мне нечитаемым взглядом. Черт, ему точно двадцать? Кажется, между нами такая разница, что становится страшно.

– Бывшая девушка, – вскидываю голову и говорю уверенно.

– Значит, не простила?

Он, наконец, разворачивается ко мне лицом и впивается таким взглядом, от которого от кончиков волос до пальцев на ногах все шевелится. Резко вдыхаю и, словно стекольная пыль вонзается в легкие, рая и царапая.

– Ты все знал?

Исаев отворачивается. Конечно, кто после такого может упрямо смотреть в глаза? Я бы не смогла. Что это? Мужская солидарность? Дружеская верность? Что?

Ненавижу их обоих.

В животе тяжесть, которая поднимается и стягивает спазмом желудок, следом горло.

– Никогда так больше не делай, – снова говорит. Сухо, безэмоционально. Как настоящий юрист.

– Не целовать, ты имеешь в виду?

Костя отмалчивается. И это раздражает. Сотни мыслей крутятся в голове, почему он сейчас такой. И, уверена, ни одной верной.

– Ты прав. Никогда так делать больше не буду.

Наклоняюсь к нему и говорю все быстро и зло. Обидел ведь. А чем, разобраться не могу.

Вдыхаю и чувствую его аромат. Снова и снова возвращаюсь в ту комнату, когда между нами не было свободного пространства, а потом поцелуй. Так все ясно ощущаю, что снова трогаю свои губы.

Уши и щеки пылают. Ненавижу, когда начинаю краснеть. В салоне темно, и Костя ничего не замечает, а я все равно

неуютно себя чувствую, когда заливаюсь пунцовой краской. С шампанским внутри было проще. Если что, можно было бы свалить на алкоголь, который кипятил кровь.

Я нагло рассматриваю его губы. Жесткие и уже по-настоящему мужские. Когда он только успел так измениться?

Воздух тяжелеет, становится гуще и приторней. Наши запахи сливаются и пьянят. Дурман в голову прокрадывается, иначе не могу дать объяснение своему поведению и своим ощущениям рядом с Исаевым.

Только еще чуть наклоняюсь.

– Иди, Аленка.

Зло хлопаю дверью и иду к кованым воротам, не оборачиваясь. Отчего-то знаю, что он не уедет, пока я не закрою за собой дверь. Контролирует и проверяет.

Уже в постели понимаю, что Костя звонил мне, когда я сбежала. Как он иначе мог узнать, что мой телефон разряжен?

А Ваня не писал и не звонил. По-моему, это настоящий конец. Всему.

Глава 8. Алена

Второй семестр начался внезапно.

Ну, как внезапно, дата первой пары была известна давно, просто с последними событиями совсем потерялась во времени. Частично и в пространстве.

Институт, куда я буду поступать после одиннадцатого класса, был известен давно. С тех пор как Ваня решил идти учиться на юриста в Юридическую Академию, я собиралась идти за ним.

Ваня же шел сюда за Костей. Два друга – не разлей вода.

В этом году они заканчивают учебу, я же первый курс. Если смогу сдать сессию. Первую чудом удалось без троек закончить. И только благодаря тому, что большинство предметов пока мало отличались от школьных: история, философия, английский...

Сейчас смотрю на список наших предметов и офигеваю. Теория государства и права, конституционное право, латинский...

А могла бы учиться на дизайнера. Всегда об этом мечтала. Ведь папа меня предупреждал! Какая же я все-таки упертая. – Привет, – ровно здоровается Саня.

На меня практически не смотрит. Молча достает тетрадь, кучу цветных ручек, бутылочку воды в кислотном цвете шейкере. Правило о двух литрах чистой воды подруга соблю-

дает неукоснительно.

– Привет. У тебя что-то случилось?

Мы не общались с ней с той самой вечеринки у Славика. Постоянно в голове прокручивала те события и ощущения, которые не утихали, только разгорались. Но делиться ими пока не хотела.

– С чего ты взяла?

– Ну, ты молчаливая, грустная.

Саня усаживается, на меня все еще не смотрит. Взгляд прикован к кафедре, за которой никого нет. В аудитории шум и гам. Раздражает.

– Скажи мне, Ален, со мной что-то не так? Я страшная? Может быть, толстая? Или, наоборот, слишком худая? Глаза широко поставлены, да?

Шурка терзает свою многострадальную губу, которую подкалывает раз в полгода, потому что подруге кажется, что пропал объем.

– Когда мы пришли к Стасу, он обратил внимание только на тебя. Хватал за задницу ту блондинку, отбросил комплиментов тебе, сосаться с тобой хотел, а я...

Саня закрывает лицо руками и начинает плакать. Вот, черт. А я и не знаю, что делать. Подруга успокаивала постоянно меня, ведь всегда была веселой, без комплексов и заморочек. А оно вон как выходит...

– Ты ревнуешь его? – коряво глажу ее по плечам и спине. Пробую как-то успокоить ее.

Саня только больше реветь начинает. Уже с передних рядов девчонки головы начали поворачивать на ее всхлипы.

– Ты поэтому эти дни со мной не общалась? – снова спрашиваю.

– Мне он так нравится, Ален, так нравится. Кажется, я даже люблю его. Сильно-сильно. А он... сосаться с другой хочет. И не просто с другой, а с лучшей подругой. Я чувствую себя преданной, – говорит это зло и смотрит исподлобья. Скверное чувство, хоть и моей вины там нет.

– Прости.

– Да не за что извиняться. Я сначала злилась на тебя, потом перестала, – Саня пьет жадными глотками из своей бутылки и смотрит на меня своими заплаканными глазами.

И что этому мажору надо? Шурка вон какая красавица! А, точно, цвет волос у нее знойно-рыжий, почти медный. А парни предпочитают пепельный блонд.

Беру прядь своих русых волос и накручиваю на палец. Может, и правда покраситься?

В аудиторию заходит полноватый дядечка – профессор, преподаватель по налоговому праву.

В местных чатах писали, что это жуткий тип, у которого проще застрелиться, нежели получить зачет. Вот это попадос! Раньше была надежда, что Ваня мне поможет, сейчас рассчитываю только на себя родимую.

В итоге Роберт Аркадьевич Пепеляев тот еще зануда.

Я пыталась внимательно слушать его целых десять минут,

а потом сознанием унеслась. Невыносимо. Лекции по философии были интересней.

“Аленка, давай после учебы сходим куда-нибудь? Поговорим. Буду ждать на улице у главного входа”

Сначала обрадовалась, заулыбалась как раньше, когда получала СМС от Вани. А потом вспомнила все. Пелена спала.

Говорят, привычка вырабатывается спустя двадцать один день. То есть если Ваня не будет писать мне в течение этого времени, я перестану, как дура, лыбиться, получая сообщения от бывшего парня.

А еще говорят, чтобы забыть человека, с которым у тебя были отношения, должна пройти половина времени от того, сколько вы были вместе.

Мы с Ваней знакомы всю сознательную жизнь...

– Чего застыла? – Саня выдергивает меня из размышлений.

Я и не заметила, как лекция закончилась.

В коридоре шумно. Телефон все еще в моей руке, и я заново перечитываю полученное сообщение.

Думаю, думаю.

И не понимаю, как поступить.

После нас в этой аудитории лекция у старшего курса. Ваниного. Узнаю практически всех.

Сердце пропускает пару ударов, потом ускоряется как бешеный кролик и его лапка, и останавливается.

Вани нет, а у подоконника замечаю Костю в окружении

двух парней и девушек.

Как под гипнозом смотрю на них. Кровь снова приливает к щекам, гореть вся начинаю. Кажется, температура вокруг меня растет с каждой секундой, словно нагревается паяльной лампой.

“Я буду ждать тебя, пока не придешь”

Снова Ваня. Взгляд бегаёт от телефона в руке к Косте. Тот меня не заметил. Я снова его разглядываю. Он не улыбается, стоит хмурый, часто поправляет чёрный рюкзак на плече. С другой стороны на нём висит, кто бы мог подумать, очередная пепельная блонда.

А потом она поднимается на носочки и целует его.

Целуются они, а губы пылают у меня. Я чувствую движение его губ, его языка. Чувствую его вкус.

Я не ругаюсь матом, только изредка. Но сейчас... какого хера?

Пальцы подрагивают, телефон в руке, который снова загорается сообщением от бывшего парня, кажется тяжёлым. Десятки килограмм, не меньше.

“Даже если превращусь в ледяную статую”

Наши взгляды с Костей встречаются, он понимает, что давно пялюсь на него. На них. И что-то мне подсказывает, читает мои мысли.

Шумно сглатываю, потому что горло сильно пересохло от развернувшейся на моих глазах картины.

У нас с Исаевым был один поцелуй. Один, мать его, по-

целуй. Так почему меня до сих пор так кроет, словно я проводник для электричества в тысячу вольт?

“Я буду тебя ждать. Всегда”

– Идем, Ален? – Саня хватает меня под локоть.

– Мне нужно вниз, к Ване.

Говорю, не прерывая взгляда с Исаевым. Прохожу мимо него, и время, как в фильмах, замедляется. Секунда растягивается до вечности.

А потом резко ускоряется.

Сбегаю по лестнице, даже на голос Шурки не останавливаюсь. Побыстрее бы сбежать. Не хочу я видеть, как Костя обжимается с той блондинкой. Это задевает.

Не меньше, чем тот вечер, когда узнала, что Ваня мне изменяет.

Глава 9. Алена

Сбегаю по лестнице, чуть не подвернув ногу. За мной словно стадо призраков гонится, а там всего лишь Костя. И его девушка. Или она не его девушка? Кто тогда?

Уф-ф, снова множество вопросов... А я все несусь вниз, ничего не замечая, как будто шоры нацепили.

– Эй, осторожней! – кричит мне кто-то вслед.

Перед глазами промелькнула знакомая белобрысая шевелюра, лица я не видела. Только шлейф от духов подозрительно знакомый. Он такой сладкий, что у меня сейчас случится диабетическая кома.

– Извините, – говорю кому-то.

Из раздевалки быстро забираю куртку и останавливаюсь перед дверью, ведущей на улицу.

Там, скорее всего, стоит Ваня, меня ждет. Это все еще шевелит что-то внутри. Так просто не взяться за ручку, не открыть и не подойти к нему. Что-то останавливает. Сердце колотится без пауз, готово вырваться из груди. Так сильно оно стучит.

Стараюсь перевести дыхание.

Народу в холле становится все меньше и меньше. Лекция уже началась, Ваня, как и обещал, не торопится. Он ждет меня, дурак.

Толкаю дверь и выхожу. Ледяной ветер сбивает с ног и

врывається в нос, ворує дихання. Ненавижу це відчуття, як під холодну воду уходиш, не набрав в легкіє повітря.

— Привіт, — здоровуюсь.

Ваня перетаптується з ноги на ногу, голову вжал в плечі. Замерз, однак. Він і правда собирався дождатися мене, поки не спушись к нему? А якщо б я із шкідливості відказала?

Дважы дурак.

— Ты пришла.

— Тільки тому, щобы ты не замерз.

Піднімаю одну бровь і придирчиво обвожу весь его облик: піджачок, джинсы, шапки нет, горло, слава богу, пов'язав шарфом, який я дарила йому на новий рік.

Довго в такому виді парень не прождав би.

— Переживаєш за мене?

Ваня усміється так, як раніше. В груді все тріскається як тонкий слай льда, ламається. І знов стає больно.

— Значит, тебе не все рівно, — добиває.

Мне хочеться, щобы стало все рівно. Тільки це складно. Вичеркнути людину із життя складно, який би шкідливою і упертою я ні була.

Піджимаю губы і відворачиваюсь від Івана. Іли від его усмілки, которая застрєває перед глазами, не прогнати.

— Ты догнав мене, когда я сбежала із квартири мажора, щобы поговорить, но не позвонил позже, щобы убедиться, что я добралась до дома, — вспоминаю.

Теперь я покусываю губы в ожидании ответа. Начинаю ак-

тивно переминается с ноги на ногу, копируя движения бывшего парня. На мне сегодня теплый зимний пуховик, но противный ветер все равно пробирается и дотягивается до поясницы.

– Я думал, ты вызовешь такси. Все же просто.

Смотрю в его ясные глаза, там нет и тени сомнения. Ваня и правда так думал. А я собиралась так сделать.

На его ответ просто киваю, решая маленькую деталь оставить при себе. Зачем? Фиг знает. Наверное, потому, что она связана с Костей. У нас вроде как теперь секрет.

Я не рассказываю о продолжении того вечера парню, хоть и бывшему, Костя, как ни в чем не бывало, сосетя со своей девушкой. Просто прелестно!

– Но ты меня оставил.

– Я был зол!

Фыркаю. Обхватываю себя руками, словно защищаюсь. Меня конкретно колотит. И причина тому не ветер и разыгравшаяся метель.

Начинает смеркаться, и погода кажется зловещей. Или волшебной. Скорее всего, от настроения зависит. Вот сейчас она для меня ужасная, хочется поскорее укрыться за стенами института, досидеть последнюю пару и уехать домой.

– Скажи, что мне сделать, чтобы ты дала мне шанс все исправить?

С каждым его словом между нами сокращается расстояние. Я как мышка взглядом зигзаги черчу, пытаюсь найти вы-

ход. Но остаюсь стоять на месте.

Вот Ваня уже близко, он ладонями касается моих плеч, чуть сжимает. Мои глаза сами собой прикрываются. Между нами столько всего было, просто так не выбросишь как флакончик из-под закончившегося крема. А жаль.

– Подумай, ладно? Я не тороплю. Подумай над тем, как мне все исправить. И я все сделаю, Ален. Ради тебя. Ради нас.

Парень заходит в здание первым, снова оставляя меня одну. Только сейчас я этому рада. Каждая такая встреча с ним на разрыв.

На лекцию не возвращаюсь. Быстро пишу сообщение Сانه, что плохо себя чувствую.

Отчасти это правда. Душевная боль это же все-таки боль. Значит, я болею.

Дома шумно. Маша и Марина – младшие сестры – что-то выясняют. У них маленькая разница, всего два года, и они постоянно что-то делят. Мама как-то пытается их разнять еще, папа... троллит. У меня вообще он прикольный.

– Ты рано, – заявляет мама с порога.

Куртку даже не успела повесить в гардероб. Может, папа разрешит мне жить уже отдельно? Например, снять скромную однушку в черте города. А что? Все мои однокурсники либо в общежитии живут, либо отдельно от родителей в своей квартире. Одна я... с многочисленными и кричащими родственниками.

– Плохо себя чувствую, – взгляд опущен. Пока ехала в такси, вновь плакала.

– Не заболела?

Заболела. Душа у меня заболела. И ноет так противно, терпеть сложно.

– Все в порядке. Голова немного болит.

– Поздоровайся с Марусей и поднимайся к себе. Отдыхай. Чай сделать? Принести? Или ты голодная? Возьми градусник и измерь все-таки температуру. Сейчас такой вирус ходит, все начинается с головной боли.

Нет, надо точно упрасивать папу на квартиру. Я чувствую себя семилетним ребенком. А мне восемнадцать!

И... Маруся. Я ее обожаю. Но сейчас хотела бы по-тихому скрыться. Как-то трудно смотреть в глаза мамы Вани и ничего не рассказать. Я же не могу вывалить всю правду.

– Аленка, девочка моя.

Она целует меня в щеки, гладит по голове и смотрит так, словно мне все еще и правда семь лет.

Я чуть больше недели назад в чулках и стрингах сына ее встречала, а он целовался с другой у меня на глазах, перед этим не раз присунув ей. А спустя пару дней я целовалась с его другом на глазах уже у многих. С языком, нужно уточнить.

Капец рассказ бы получился.

– Ты в последнее время почти не заходишь. С Ваней поругались? Ты мне скажи, я быстро разберусь.

Ну как поругались... Скорее расстались. Но я молчу. Мне нужно в комнату сбежать, а после откровений меня не отпустят, даже если поднимется высоченная температура.

– Разберемся.

Коротко улыбаюсь и быстро разворачиваюсь, чтобы сбежать к себе в комнату. Захлопываю дверь и прижимаюсь к ней спиной. Голова пухнуть начинает от поступившей сегодня информации.

Устало плюхаюсь на кровать, закрываю глаза и уношусь куда-то.

За эти пять минут, что меня вырубило, вижу Костю. Снова он с той блондинкой. Сердце щемить начинает, тоска внутри поселяется. И настолько все было реально, я прям чувствую эту дыру за ребрами.

Резко распахиваю глаза и жадно хватаю воздух ртом. Надышаться не могу. Во рту пересохло. Обычно такое случается, если сильно волнуюсь. Но сейчас-то я спокойна. Относительно.

А сердечко-то “бах-бах-бах”, как петарды взрываются.

– Сань, а ты знаешь девушку Кости? – быстро набираю подругу и без слов приветствий спрашиваю.

– Кости?

– Исаева. Ну?

Не знаю, зачем мне это нужно, но открыла глаза именно с этой навязчивой мыслью. Мне хочется узнать, кто она? Девушка, которую жадно целовал он.

– Насколько мне известно, у него нет девушки.

Вот... подлец. А целовал ее так, словно она и есть его девушка.

Сердце сдерживаю в груди, только прижимая ладонь к грудной клетке. Оно рвется как бешеное.

– А та блондинка, которая стояла с ним в коридоре? Помнишь? После налогового права?

В ожидании ответов извелась. То мечусь по комнате, то сажусь на кровать и резко вскакиваю. Заламываю пальцы, закусываю многострадальную губу. И жду ее ответов.

– Хм, Карина? Она постоянно трется рядом с Костей. Блондинка, тот же четвертый курс, но другой поток, – усменяется, – а тебе зачем?

Жестоко сбрасываю звонок. Все потом, когда сформулирую, зачем мне эта информация нужна.

Может, во мне разыгралась забытая ревность? Когда Ваня с Костей ходили играть к двум сестрам на пятый участок, совсем не вспомнив про меня?

Перебираю все аккаунты в соцсетях, которые могут принадлежать некой Карине.

И нахожу.

Пальцы покалывать начинают, ладони потеть. Телефон готов выскользнуть из рук, когда смотрю на ее фотографию, где девушка улыбается идеальными винирами, а ее вишневые губы настолько растянуты, что вот-вот лопнут. А он их целовал!

Жаль, не прикусил.

В груди печет и не терпится избавиться от этого ощущения. Мне нехорошо с ним, неправильно. Я не хочу это чувствовать.

Откидываю от себя телефон, утыкаюсь в подушку и закрываю глаза. Очень надеюсь, что утром все пройдет.

Глава 10. Алена

Да, налоговое право та еще муть. За прошедшую минуту я зевала раз пять, поля моей тетради исписаны рисунками, а с Саней мы то и дело переписываемся на листочке о всякой фигне. В общем, думаем о чем угодно, но явно не о налоговом праве.

И спрашивается, какого фига я пошла за Ваней на юриста? Училась бы сейчас где-нибудь на дизайнера и не думала о том, как бы сдать это самое налоговое право.

– А Стас, оказывается, свободен, – у Шурки, когда она говорит про своего мажора, сразу тон меняется. Голос становится сладким, словно она флиртует.

– Значит, та девушка на его вечеринке...

– Просто знакомая.

Ага, как же. Знаю я таких “просто знакомых”. Одна вон вечером в обнимку с Иваном была у него дома.

– Я решила сама к нему подойти и пригласить на свидание.

Если бы я что-то жевала, непременно бы подавилась. Все-таки влюбленность затмевает глаза.

– Ты уверена, что это хорошая идея?

Подруга невнятно ведет плечами. Ей страшно, но еще она безумно влюблена в этого мажора, который не пропускает ни одной юбки. И светлого облака волос.

Эти блондинки повсюду.

После лекции мы с Саней расходимся. Ее отец – прокурор – уже начал понемногу подтягивать Шурку к своей работе. Поэтому три дня в неделю, сразу после лекций, подруга едет к своему отцу, точнее, к его секретарю, и занимается там разной бумажной работой.

Я бы померла со скуки, а Сашке вроде как нравится.

На улицу выхожу одна, подруга сильно уж спешила. У института практически нет парковочных мест, так, несколько автомобилей стоят по счастливой случайности.

Машину Кости узнаю сразу, хотя, уверена, владельцев черных “Ауди” среди местных хватает. Хозяин авто стоит чуть в стороне и общается с кем-то по телефону.

Наблюдаю за ним, пока он меня не заметил. Как всегда хмурый. Волосы взъерошивает левой ладонью и мотает головой из стороны в сторону. Высокий, раньше он таким не был, с широким разворотом плеч. И сам весь такой... почти мужчина.

Еще он классно целуется.

Закусываю нижнюю губу, пытаюсь скрыть улыбку. Я вообще не знаю, почему хочется улыбаться, глядя на него. Все тело начинает бить мелкая дрожь, волнуюсь.

Делаю шаг в его стороны и обратно. Господи, что я ему скажу?

Отворачиваюсь, чтобы не заметил, глаза к небу возвожу. Веду себя как какая-то малолетняя дурочка перед парнем,

который ей безумно нравится.

Костя, он... не нравится мне ведь, так?

На этом вопросе сердце вдруг сбивается с привычного, размеренного ритма. Сжимаю ладони в кулаки, готовясь к чему-то. К чему – еще сама не поняла. Странно все это. Но так, блин, захватывающе.

В новинку для меня. Все эти чувства в новинку.

– Привет, – подхожу, чуть ломаясь, и здороваюсь первой.

Один короткий взгляд мне в глаза, и я замираю. Слова все теряются, что заготовила, дыхание сбивается. Оно вообще есть, это дыхание? Ребра стискивают легкие, изо рта вырывается какой-то писк или сжатое мычание.

– Привет, – легко отвечает и отворачивается от меня.

Одной кнопкой отключает сигнализацию и открывает водительскую дверь. Он собирается уезжать, а я как вкопанная каждое его движение изучаю. Они все выверенные, неторопливые. Магия какая-то. Иначе не могу объяснить свое поведение. Исаев просто вводит меня в гипноз.

А если он начал практиковать это еще при поцелуе? Поэтому я стала такой?

– Уже уезжаешь? – выпаливаю так резко, пугаюсь сама.

Костя медлит с ответом, внимательно меня рассматривая. Прямо с головы до ног. Как назло, начинает чесаться левая коленка. Так, ведь, всегда бывает, когда миллиметр за миллиметром твое тело, пусть и в одежде, разглядывают. Оценивают.

– Дела.

Вот так коротко. Сухо. Юрист, блин. Злит невероятно.

– Я поговорить хотела.

– О чем?

О чем? Понятия не имею. Но такого сказать не могу. В самый нужный момент нет ни одной здоровой мысли. Вообще ни одной.

– Подвезешь? Я уже закончила.

– Ты живешь за городом, я в километре от института, да и мне совсем в другую сторону, Ален, – безапелляционно заявляет. Вытянулась по струнке, слушая его оправдание.

Но я не привыкла отступать. Упертая, потому что.

– Но тогда ты меня отвез.

Первая усмешка, которая запускает что-то в теле. В груди, между ребер вспыхивает нечто мне незнакомое. Снова. Жечь начинает.

– Хорошо. Садись.

Остается только исполнить победный танец. Но я лишь довольно улыбаюсь и сажусь вперед.

Губы щиплет от частых покусываний, они горят огнем. Руки потряхивает от моей наглости. Ведь я напросилась, а Костя пошел у меня на поводу.

Исаев плавно стартует с места и выезжает на шоссе.

А я делаю глубокий вдох. В салоне пахнет кофейным саше и его туалетной водой. Ну очень вкусно. Я бы хотела вдыхать эту смесь каждый день.

– Ты хотела поговорить, – возвращает меня к тому, о чем я совсем забыла.

– Да... думала, может... ты поможешь мне с налоговым правом? У нас препод такой жуткий. Боюсь завалить экзамен.

– Пепеляев... да, он такой.

– Ну, так что? Поможешь?

Разворачиваюсь всем корпусом к нему. Снова изучаю его профиль. Ладони обхватывают руль, но Костя делает это как-то небрежно, легко. Касание ребром ладони, и машина подчиняется.

Вдох, мне жарко. На коже оседает этот вкусный запах, я чувствую его тяжесть.

– Плохая идея.

Магия рушится. Внутри пульсирует разочарование.

– Почему?

Хочется по-детски топнуть ножкой, разжалобить собеседника, как я обычно это проделывала с папой, скрестить руки на груди и отвернуться.

Исаев молчит и не ведется. Моя тактика провальная, что несказанно раздражает.

– А какие у тебя дела? – решаю задать вопрос. В молчании ехать невыносимо. Мы стоим в пробке на светофоре и вот уже минут пять совсем не двигаемся.

Костя лишь переводит на меня красноречивый взгляд и снова утыкается в багажник “Лексуса” напротив. Он же ин-

интересней, понимаю.

— Кто та девушка, с которой, ну ты... понимаешь, в общем.

Крепко зажмуриваюсь, отвернувшись к окну. Я спросила полную дичь. Точнее, влезла туда, куда меня и не приглашали.

Уже рисую себе в голове, как Костя останавливает машину, открывает дверь и просит меня выметаться из теплого, удобного салона.

Я бестактно растоптала границу, которую он просил соблюдать.

Но Исаев не делает ничего из моего воображения. Лишь смеется.

Костя Исаев, который вечно хмурится, сейчас смеется. Не могу оторваться от его лучиков у глаз. Их три, я сосчитала. И улыбка, она... боже, сердце ускоряется от нее такой.

Впервые за долгое время я вижу Костю смеющимся. Уголки губ сами собой растягиваются и ползут вверх.

— Смешная ты, — вдруг говорит.

Уголки губ сами собой опускаются. Биение сердца уже бешеное и связано оно не с его улыбкой. Меня бросает в пот, резко дергаю молнию на куртке, та заедает не вовремя, возможно, ломается.

— Я не смешная! Просто ты ничего не рассказываешь о себе.

В таком странном состоянии я и не заметила, что мы вовсе

не движемся в сторону области. Только проехали несколько улиц и завернули во двор.

– Где мы?

Исаев цыкает, неодобрительно качает головой, но при этом всем еще улыбается. Хочется попросить, чтобы он почаще улыбался. Мне.

– Заниматься приехали. Или ты передумала?

Впиваюсь глазами в шикарную высотку, построенную в середине прошлого века, рот сам собой открывается. Никогда в такой не была. Только в фильмах видела.

Получается, Костя живет тут? Вот прям в этом доме? Отпад!

– Ты плохо меня...

Звонок на мой телефон нас прерывает. Мы, не отрываясь, смотрим друг на друга. Во рту, в горле мгновенно пересыхает. Исаев будто проникает в мои мысли, перестраивает их порядок, меняет. Я это чувствую. Его глаза меняют цвет. Сейчас я отчетливо вижу, что они уже не карие, а зеленые.

Они действуют на меня гипнотически, поэтому просто сижу и по факту туплю.

– Ответишь?

Конечно же, нет.

Сбрасываю.

Костя мажет взглядом по вновь загоревшемуся экрану, где на звонке еще стоит фотография бывшего парня, и возвращается ко мне. Зеленый цвет в его глазах потух, я вновь ви-

жу карий оттенок. И это почему-то меня расстраивает.

“Я знаю, с кем ты уехала, Алена”, – читаю, пока выбираюсь из машины.

“Значит, он?” – пробегаюсь по строчке, когда ждем лифт.

“Это ошибка. Костян уже давно не тот, кем был еще пару лет назад”, – вчитываюсь в слова, пока Исаев звенит ключами и открывает передо мной дверь своей квартиры.

– Добро пожаловать, А-ле-на!

Глава 11. Ваня

Чуть пригнувшись, наблюдаю, как Аленка выходит из дома друга. Дверь подъезда очень тяжелая, еще с прошлого века. Малышка прикладывает все усилия, чтобы широко ее открыть. Уже успел схватиться за ручку, нужно выйти из машины и помочь.

Но Аленка справилась. Она вообще справится со всем, если захочет. Всегда была упрямой, в чем-то наивной и по-девчачьи милой, но прет как настоящий танк.

Малыш медленно спускается по ступеням, на лице очаровательная улыбка. Сердце рвется к ней, пытается просочиться через ребра, не переставая шарахать пульсом под двести ударов в минуту.

Алена неуклюже поправляет сумку, висящую на плече, старается застегнуть пуховик. Не выходит, она хмурится. А я улыбаюсь.

Она меня не видит, потому что не смотрит по сторонам. Но, все-таки у нас с ней какая-то связь. Аленка вскидывает голову и встречается со мной взглядом. Ее ореховые глаза тут же приобретают другой оттенок. Между нами десятки метров. Спросите, как я это увидел? Я просто знаю.

Первый раз я увидел дочь маминой подруги спустя месяц после того, как меня забрали из детдома. Марусю – мою маму – и Гришу – ее мужа пригласили родители Аленки на ужин.

Я еще шугался всех, не привык. Смотрел, наверное, на всех огромными глазами и думал, что я там делаю. Деталей не помню. Они стерлись.

Возможно, Марусе повезло, что я отличался от многих детей, которых усыновляют в таком возрасте. Я был смирным, послушным и добрым. Никаких психов, выкрутасов и прочего.

С первого дня в доме Гриши я не чувствовал себя лишним, хотя еще долго стеснялся и часто молчал.

Так вот, в тот вечер, когда я увидел Аленку, первое, что врезалось в память, – ее глаза. Они у нее были большие, светло-карие, почти янтарные, а при искусственном освещении приобретали зеленоватый оттенок. Меня это... напугало. Я никогда раньше не видел такого.

Разумеется, ни о каких чувствах речи быть и не могло. Мне шесть, Алене четыре. Я хотел найти друга. Мне казалось это несбыточной мечтой, потому что в детском доме друзей у меня не было.

Детский дом вообще отдельная страница моей жизни, которую я практически не помню. Только скомканные отрывки. Есть пара фотографий, но они хранятся у мамы, мне они ни к чему.

Лишь приход Маруси запомнился мне за все те годы. Она ворвалась к нам такой яркой, как елка. Помню это ощущение, я подумал, что наступил Новый год. Не знакомая мне пока женщина надарила кучу игрушек, обнимала меня и го-

ворила чудные для шестилетнего мальчика вещи.

Я практически не слушал ту странную женщину, все мое внимание было приковано к конструкторам Лего.

Их потом растащили парни постарше. Мне осталась только разорванная упаковка.

В первую неделю после того, как Маруся с Гришей забрали меня, я присматривался. Ко всему. Не потому, что не доверял, мне было любопытно.

Еще в детском доме рассказывали, что таких больших детей, как я, редко усыновляют, а тем, кому повезло оказаться за стенами казенного дома, часто возвращались. Не они сами, разумеется. Их приводили обратно те, кто обещал заботиться о них. Дети, которые выросли в детских домах, отличаются.

Я не знаю, отличался ли я, сложно судить, но, кажется, неплохо втянулся в жизнь, которую мне подарили мама с Гришей.

И Аленка... Мой друг, который был со мной практически с первого дня. Эта девочка помогла понять, что я дома, я на своем месте. Звучит глупо, но сейчас это точно осознал. Аленка сыграла большую роль в моей, как принято говорить, адаптации. Мы просто играли. Дружили. Я был нужным.

А потом мы познакомились с Костей...

Вспоминаю все это, пока наши взгляды с Аленкой переплетаются, минуя стекло машины, сопротивление ветра, пару кустов...

Душа разрывается от той боли, которую причинил. Мне правда жаль, что я оказался таким идиотом и не понимал – так нельзя. Точнее, понимал, свои желания просто представлялись важней.

Аленка не уходит. Длинные ножки стоят ровненько, вместе, как по линейке. Пальцами в сумку вцепилась и продавливает толстый материал. Милая, хоть и злится.

– Ты решил преследовать меня, Радов?

Так гневно выплевывает мою фамилию. Никогда ведь не обращалась ко мне так. Радов – фамилия Гриши. После опеки, а следом усыновления, Румянцев Иван Егорович стал Радовым Иваном Григорьевичем.

Меня это задевает, потому что на самом деле я не захотел бы менять фамилию, если бы меня спросили. Я не знаю, кем были мои родители. И все, что у меня от них осталось, это фамилия и отчество. Это то, что хоть как-то связывает меня с ними, кем бы они ни были.

И малыш это знает.

– Ты добила своего, Ален. Мне больно. Правда, – развожу руки в стороны и сцепляю челюсти так крепко, что слышу хруст.

Разумеется, не отрицаю своей вины, готов сделать все, что потребуется, чтобы снова заслужить доверие, но не думал, что встречи Костяна и Аленки будут так ранить.

– Больно больше оттого, кого ты выбрала. Он же мой друг. Она отворачивается. Не могу понять, о чем думает и что

вообще чувствует. Аленка смогла закрыться от меня на замок. А ключ к нему подобрать уже не получается.

– Я разрушил нас, ты добиваешь. Ты лишаешь меня друга. Потому что, если он к тебе прикоснется...

Слов не находится, насквозь пронзает от одной лишь подобной мысли. Аленка и Костян...

– Ты уже не имеешь права так думать, Ваня. Я не твоя. И твоей уже не стану. Никогда.

Глаза ее метают молнии, только и поспевай защищаться. Была бы это обычная ссора, можно было бы поумилаться. Гневная Аленка это то еще зрелище.

– Зачем ты ее так целовал?

– А ты разве не догадываешься? Чтобы ты меня остановила. Я смотрел на тебя и видел, как тебе хочется это сделать, но... я наломал дров, Ален.

– Это уж точно.

Мы замолкаем. Раньше могли молчать часами и нам было комфортно. А сейчас не знаешь, что и сказать, чтобы как-то продлить нашу встречу.

Когда-то давно мы с Аленкой и Костей поклялись никогда не предавать нашу дружбу. Ольшанская вычитала какой-то там ритуал, и мы его совершили. Дурь дурью, но Аленка была в восторге. С Исаевым весь этот процесс незамысловатый переглядывались и думали об одном: Аленке же нравится, значит, надо терпеть.

Но, получается, я предал первым.

– Дай нам время, Ален. Не руби сплеча.

Я вижу ее застывшие глаза, прозрачную пленку, которая капельками скатывается по щекам. Она плачет. Твою мать, моя Аленка плачет, и я готов разорвать всех. В первую очередь себя, конечно.

Думал ли я, что когда-нибудь все вскроется? Нет. Есть ли мне оправдание? Уверен, что уже нет. Все, чем я себя оправдывал, вспыхивает и сгорает, обжигая свежие раны.

Аленка ведет плечами. По крайней мере, это некатегоричное “нет”. И я улыбаюсь. У меня, блин, надежда появилась. Тусклая, правда, как разрядившийся фонарик, но она есть.

Дверь подъезда открывается и оттуда выходит Исаев. Смотрим друг на друга. Два друга, блядь.

И я отступаю. Пока отступаю...

Глава 12. Алена

В гардеробе перед зеркалом наношу прозрачный блеск, у Сани прошу розовые румяна.

Волнуюсь жутко. И так каждый раз, когда собираюсь к Косте на наши занятия. Вот уже неделю после лекций мы едем к Исаеву домой заниматься. Налоговым правом, разумеется.

Под пристальным, практически сканирующим, взглядом подруги еще больше начинаю волноваться. Быстро убираю блеск в сумку, захопываю румяна и сама впиваюсь в Шурку таким же взглядом. Им можно пытаться, честное слово.

– Что? – не выдерживаю.

Руки чешутся достать телефон и проверить время. Мы договорились с Костиком, что после лекции встретимся у главного входа.

Можно сказать, у нас появилось свое место. Это... странно.

– У вас было че?

Кровь моментально приливает сначала к щекам – можно было и не наносить румяна, – следом уши загораются как ночные фонари.

Смотрит так, что у меня перехватывает дыхание. В ее серо-зеленых глазах и мелькает настоящий ведьминский огонек. Тут действительно поверишь в то, что все рыжие – ведьмы.

– С ума сошла? Нет, конечно.

– Хм... По-моему, Исаев – отличный вариант.

Закусываю нижнюю губу и на языке ощущаю противно-сладкий вкус блеска.

Сознаться, что тоже об этом думала? Господи, ни за что! Я несколько недель назад в таком виде перед Иваном предстала, что мысль переспать с Костей кажется какой-то развратной.

– Такой уж и отличный? Можно подумать, ты проверяла.

Эта мысль жуткая. Глаза щипать начинают, как только передо мной картина с Костей и Саней появляется.

– Нет, конечно!

Выдыхаю. Дышать вообще посвободней начинаю после моей реплики.

Выхожу из здания, взглядом ищу Костю, хотя заметила его сразу. Его нельзя не заметить. Но не хочу, чтобы он понял, как сильно я спешу к нему.

Исаев стоит с однокурсниками, о чем-то общается. Костя не улыбается. Он вообще редко, когда улыбается, часто хмурится. Но иногда можно увидеть его ухмылку, на которую западаешь как дурочка.

Смотришь, как уголок губ летит вверх, и что-то внутри греть начинает, где-то в районе солнечного сплетения. Греет сильно, но приятно.

Медленно иду в их сторону. Сумка, как назло, постоянно сползает с плеча. Раздражает. Плитка вычищена до скрипа,

но ноги так и хотят в разные стороны разъехаться. Так боюсь показаться неуклюжей, а когда волнуюсь, становлюсь именно такой.

– Привет, Костя. И все. Вы, – коряво здороваюсь.

Сердечко учащенно бьется, когда несколько пар глаз уставились на меня. Кто-то с неприкрытым любопытством, кто-то просто нагло рассматривает. Мое волнение достигает пиковой отметки, кажется, кожа горит под их взглядами.

Надо было подождать Исаева у входа, не стоило подходить.

– Садись в машину, Ален. Я уже иду.

Костя едва касается моей спины, вдоль лопаток пробивается огненная волна, хотя не могу чувствовать его кожу своей, мне мешает пуховик и кофта под ним. Мешает? Я сказала “мешает”?

Часто киваю как болванчик и отхожу к его “Ауди”.

Костя садится спустя пару минут. Для меня они, правда, растягиваются на долбанные часы.

– Едем?

Киваю. Что-то как-то в горле сухо и першит. В салоне мгновенно становится тесно, запаха его много. И жарко, господи, как жарко.

Все эти несколько километров едем молча. Мне безумно интересно рассматривать свой маникюр, Исаев иногда на меня коротко косится. Я боюсь встретиться с ним взглядами. Сердце и так отчаянно колотится, а если мы посмотрим

в глаза друг другу в таком маленьком пространстве, когда между нами меньше метра, совсем с ума сойду.

– Голодная? – спрашивает, когда мы поднимаемся на лифте.

Все делаем, блин, молча.

Киваю.

– Пиццу заказать?

И шампанского, бокальчик. Так и хочется попросить.

Сегодня невероятно сложно находиться с ним рядом. В прошлые разы мы о чем-то отстраненном разговаривали. О школе, моем поступлении.

Костя говорил, как ему работается с отцом и с восхищением рассказывал про последнее выигранное дело одного адвоката. Глаза Исаева нереально блестели, искрились.

Дважды смотрели фильм. Вечером, когда на улице было темно, а свет в комнате не включали, чтобы он не отсвечивал картинку. На пошлых шутках я краснела, Костик смеялся. Я любовалась им и слышала его смех. Это было классно!

Сейчас все как-то не так. Мне неудобно, Костя молчит.

– Алена? Пиццу будешь? Или из ресторана что-то заказать? Ты что вообще любишь?

Столько вопросов, и все ко мне. Он интересуется только потому, что беспокоится, не голодная ли я? Или ему и правда интересно, что я люблю?

– Кексы с изюмом люблю, – тихо отвечаю.

Костя как-то странно усмехается, наши взгляды, наконец,

встречаются. Ой, мамочки, в груди, за ребрами сдавливает новое чувство. Сердце ухает вниз и отпружинивает вверх, в самое горло, потому что глухое биение ощущаю именно здесь, даже говорить сложно.

Исаев проходит в спальню, где я была лишь раз, когда Костя показывал мне квартиру, и то я осталась стоять на пороге.

Его нет минуту, две. Это невообразимо много для меня сейчас.

Вдох-выдох, снимаю куртку, разуваясь и прохожу в зал. Тот у него с кухней совмещен. Темно-изумрудные стены, золотые детали и много дерева. Мне с первого дня понравилась его квартира. А еще я не заметила ни одной женской детали. Даже маленького геля для душа нет. Ни расчески, ни зубной щетки, ни тапочек с розовым пушком. Ни-че-го. Я обрадовалась.

– Вот, тебе подарок, – Костя протягивает небольшую коробку и присаживается в кресло напротив меня.

Пульс бьется в подушечках каждого пальца, они слегка подрагивают.

Подарок? Мне?

– А что там?

– Можно открыть и посмотреть, – и улыбается. В универе он так не улыбается. Эта улыбка только для меня. Ну или еще для той, с кем он целовался. Карина, блин.

Открываю коробочку, сердце замирает. Сажу с ровной спиной не в силах даже облокотиться на удобный диван. А

он удобный. Мы сидели на нем и смотрели фильм, я чуть было не заснула. Так мягко и комфортно было.

– Я боюсь, – признаюсь и на Костю смотрю.

А он вновь смеется.

– Там ничего, что может выходить за рамки нашего с тобой общения.

Что?

Сухо отвечает, слишком сухо. Слова еще такие подобрал, вмиг вспыхиваю от какой-то обиды, что ль.

Откидываю крышку коробки, там тоненькая книжка в синей обложке. Дышать начинаю чаще. Если у Исаева такое чувство юмора, то оно меня злит.

Либо он совсем не умеет дарить подарки.

Или я просто друг. Конечно, подарок, который не выходит за рамки нашего общения. То есть нашей дружбы.

Злит, злит, злит.

– Последнее издание, со всеми дополнениями и редакциями.

– Налоговый кодекс... Спасибо. Это мило, Исаев. Милее подарка у меня еще не было.

– Хорошо, что ты оценила.

Схлещиваемся взглядами. Злость подавляет мое стеснение и волнение, но за ребрами все равно печет и жжет от его глаз. Они темные, какие-то нереальные, чуть пугающие, но завораживающие. И губы... он хитро улыбается. Это не поймешь так сразу, нужно приглядеться. Уголок губ едва ушел

вверх, самую малость.

Ваня после моего поступления в институт подарил мне Конституцию. Но тогда это и правда был подарок. Сейчас же это шутка. Или насмешка. Может, вообще проверка.

Исаев смотрит, не прерываясь. Мои глаза, губы, шея. Кожа покрывается пятнами от его взгляда. Обводит грудь, я чувствую эти фантомные касания. Воздух вокруг становится тяжелым и тягучим и, кажется, его перестало хватать.

Меня придавливает его взглядом, плющит от энергии, которая исходит от такого Кости. Сейчас мы незнакомы. Он в момент из парня превратился в мужчину, от которого веет чем-то новым для меня, опасным.

– Так мы будем заниматься? – голос охрип, и спрашиваю я как-то сдавленно.

Все вокруг покрывается душным маревом, кожа влажная, вся одежда липнет к телу и причиняет дискомфорт.

– Ты его любишь? – вдруг спрашивает.

Мир затихает. Время останавливается. Мне хочется укутаться, свернуться калачиком и скрыться. Так, чтобы больше никто и никогда меня не нашел и ни о чем не спрашивал.

– Я... не знаю. Уже не знаю.

Отворачиваюсь, но образ Кости не исчезает. Его взгляд, глаза, лицо, как напряглись скулы, как дернулся кадык, когда я сказала свои слова – все отчетливо вижу перед собой даже отвернувшись.

– Я думаю, нам надо заканчивать с занятиями. Больше я

ничем не могу тебе помочь, Алена. Если нужен будет репетитор, я скину контакты одного аспиранта. Он неплохо разбирается в налоговом праве.

Глава 13. Алена

Костя перестал отвечать на звонки, сообщения читает, но оставляет без ответа. Дважды за прошедшую неделю видела Костика в стенах института. Я не знала как себя вести, когда мы встречались с ним взглядами. Мое тело застывало, словно его залили гипсом. Не могла и улыбки выдавить, не то что подойти и спросить, наконец, что же в итоге произошло.

После того как наши занятия закончились, по словам Исаева, я весь вечер не могла найти себе место. Так было паршиво, а причина мне не понятна.

Закрывала глаза и вспоминала его взгляд, то, как он на меня смотрел. Меня потом прошибало, а дыхание жестко сбивалось. Я все чувствовала также сильно, как и в его квартире. Только лежала уже на своей кровати, зарывшись в подушки.

– Со следующей недели семинары начинаются, Алена, – Санька пытается запихать в маленькую сумочку свои конспекты. Они не помещаются, конечно же, она злиться и ругается. На нас даже однокурсники оборачиваются.

– Я знаю.

Костя еще в первую нашу с ним встречу говорил о том, что Пепеляев более лояльно относится к тем, кто посещает его семинары. И не просто посещает, а активно зарабатывает баллы, не пропуская ни одного занятия.

“Да, еще сесть необходимо на первую парту”, – в конце

добавил он.

Исаев вообще очень много разных хитростей рассказывал, пока я рассматривала детали его квартиры, а он вышагивал за мной следом.

Вспоминаю те дни и резко оборачиваюсь, ощущаю такой же острый взгляд на своей спине, как и в той в квартире.

Наши глаза встречаются. Третий раз за неделю. Но сейчас нет ничего общего с тем, что я ощущала рядом с Исаевым в тот день. Костя смотрит на меня спокойно, словно сквозь меня.

Тогда его взгляд был другим. Каким-то особенным. Взгляд взрослого мужчины, от которого по спине мурашки собираются, а с сердцем странные чудеса происходят, что просто теряешься.

– Вы больше не общаетесь? – голос Шурки звучит отдаленно, не сразу удастся расслышать.

– Он больше не захотел. Не понимаю только почему, что я сделала не так?! – не прерывая взгляда с Костей, обращаюсь к подруге.

– Ты рассказывала ему про Ваню?

– Нет. С чего бы? Он, правда, спрашивал, люблю ли я его?

Вспоминаю его вопрос и как-то резко перевожу взгляд на Саню. Под ребрами заныло, в ушах шум появился, и они гореть начали от нахлынувшего ни с чего волнения.

– И ты ответила..?

Тук-тук-тук. Сердце как колеса поезда, набирающего ско-

рость. Смотрю в ее зеленые глаза, а левую сторону лица все еще печет. Это Исаев.

В какой-то момент все прекращается. Нет больше жара, исходящего с его стороны, пропало ощущение, что тебя пристально рассматривают. Все встало на свои места.

– Я не знаю, люблю ли все еще Ваню или нет. Это сложный вопрос, на который у меня нет ответа.

Подруга протяжно вздыхает и обнимает меня. А мне и не нужна поддержка. Все хорошо, вроде бы...

Группа Исаева уже давно зашла в аудиторию. Одни мы с Саней стоим и пялимся на белую дверь.

Где-то там сидит Костя. Куча вопросов сразу вертится в голове: он сидит один или с Кариной? А где именно он сидит? А если он также сидит и гипнотизирует дверь, но с обратной стороны. Я будто до сих пор чувствую его взгляд. Это ведь странно, да?

– Может, в столовую? – осторожно спрашивает подруга.

Киваю, и мы, наконец, отходим от окна. Сердце не на месте. Я очень хочу поговорить с Костей еще раз, но что-то останавливало. Какая-то глупая причина.

Не успеваем и один пролет пройти, навстречу быстрым шагом плывет та, чей профиль я изучила вдоль и поперек.

Сегодня на ней короткий комбинезон, полупрозрачная блузка и высокие каблуки. Успеваю рассмотреть ее всю с головы до ног, пока мы не встречаемся с ней взглядами. Обе останавливаемся напротив друг друга.

Мы никогда не общались, возможно, она и имени моего не знает.

А я вот знаю о ней практически все. Благо у меня есть Шурка.

Карина Назарова – дочь адвоката, учится на коммерции, у нее квартира в модном ЖК, откуда офигенный вид на Москву-реку. У нее модельный рост, почти сто восемьдесят сантиметров, и идеальный вес. Саня мне добыла даже название салона, где она красит свои волосы в пепельный блонд и делает кроваво-красный маникюр.

Не знаю, зачем мне эта информация, но я ее зафиксировала.

А еще у нее несколько сотен тысяч подписчиков в запрещенной сети, которые просто фанатеют от нее. Я подписалась с липового аккаунта.

– Олышанская, не думала, что на первом курсе позвоительно тоскаться по коридорам во время пары.

Она знает меня, мое имя и с какого я курса. Возможно, также знает мой рост, вес и кучу разной информации.

Мои нервы от ее голоса натягиваются и дрожат как при противном скрипе старого механизма.

Можно, конечно, уйти, ведь мы друг другу никто и делить нам, вроде как, нечего. Наверное.

Потому я стою и сверлю ее взглядом. Между глаз так и вижу красную точку, куда втыкаю воображаемое, но до ужаса острое сверло.

Господи, никогда не была кровожадной, а сейчас внутри меня что-то разрастается такое необычное, объемное, горячее. Ух, состояние как перед важным соревнованием. Захватывает весь кислород вокруг, оставляя жалкие крохи, и ты, как дура, улыбаешься.

– Ну, так у тебя тоже пара идет. А ты все где-то шляешься. Я сказала “шляешься”. Это нехорошо. Очень нехорошо.

Голубые глаза – уверена, это линзы – приобретают грозовой оттенок. Взгляд безумно опасный, приходится рефлексивно отступить.

– А ты не такая мышка, как я думала.

– Не мышка.

Саня стоит рядом, тянет меня за рукав кофты. Что это значит, пока не разберу. Уйти? Прекратить лезть на рожон? Не разговаривать с этой пепельной?

– Я знаю, что ты бываешь в квартире Кости, – резко переводит тему.

Конечно, она все обо мне узнала. Мы, получается, соперницы.

Никогда не была соперницей, не знаю, что требуется говорить и делать. Но мне определенно не нравится делить Костю с... ней. Мне вообще не нравится его делить.

– Я слишком долго его добивалась, чтобы вот так просто отдать его тебе.

Назарова наступает, зло шипит мне в лицо, капли ядовитой слюны попадают мне на кожу.

Но я всегда ношу с собой антибактериальные салфетки, поэтому переживаю по этому поводу недолго.

А сердце все равно скачет по всему пространству за ребрами, больно отбиваясь от органов.

— И что ж ты такого сделала, чтобы добиться его?

— Малышке рано о таком знать.

От пренебрежения в ее голосе начинает першить в горле, ведь слова ее пропитаны каким-то кислым рассолом. Противно от ее тона до тошнотворных спазмов.

— Или... уже не малышке?

Хитрый взгляд, который, как выключатель, гасит свет во всем коридоре. Мне, по крайней мере, так видится. Из груди вырывается то ли стон, то ли рев. Все мое. Случайное.

Бросаюсь на нее и в белесые волосы вцепляюсь. Так мерзко стало от ее слов. Тон ее задел, претензия, да вообще вся она.

Цепляюсь в волосы так крепко, будто на подушечках пальцев был размазан сильнодействующий клей. И рычу, пока выдираю наращенные пряди одну за одной.

Не понимаю, что нашло. Просыпаюсь, когда на ее визг выбегают парни из соседней аудитории. Конечно же, это курс Кости.

Все смотрят на орущую Карину и на... клоки ее волос в моем кулаке. Раскрываю ладонь, и светлые пряди падают мне в ноги как доказательство того, что я виновница случившегося.

Саня трясет меня, а потом снова обнимает. Все произошло мгновенно, подруга и сообразить не успела.

Из-за ее плеча вижу, как Назарова подбегает к Исаеву и тесно прижимается к нему, а он ее обнимает, по спине гладит, утешает.

Внутри разрывается на самые крошечные осколки что-то невероятно хрупкое. Смотреть на них сложно и больно, но взгляд как примагничен к ним. Я не в силах отвернуться от открывшейся картины.

Глаза жгут, в носу бессовестно щиплет.

Они ведь смотрятся вместе. Гармоничная пара.

И меня это злит. Ох, как злит.

Глава 14. Алена

– Она напала на меня! Вырвала все мои волосы. Боже, как раскалывается голова! Ты же... ты убить меня хотела! Точно. Ты так ревнуешь, что решила избавиться от меня!

Назарова говорит все эти страшные вещи, а я стою, как вкопанная, не в силах и слова в свою защиту сказать.

Вокруг меня собирается все больше и больше людей. У них банальное любопытство. Вон, кто-то даже ржет. А я зависла. Понимаю, что нужно изъясниться, как-то опровергнуть то, что говорит Карина. В конце концов, она меня спровоцировала.

– Ой, Назарова, тебе вырвали наращенные волосы. Хотя немного натуральность тебе вернули, – Саня встает на мою защиту, отчаянно рискуя.

Мы тут одни первокурсники. А вокруг парни старше нас, да и подружки Назаровой всю облепили ее и лупят своими взглядами в меня как стрелами.

– Я это просто так не оставлю, Ольшанская. У меня папа юрист, он такое с тобой сделает!

– Тут у всех родители то юристы, то прокуроры, то судьи, Назарова! – снова встречается Шурка.

Только мой папа к судебной системе не имеет никакого отношения. Я оказалась в этом институте случайно. Из-за Вани.

Кстати, Ваня...

Его я замечаю в последнюю очередь. Он летит через весь коридор. Тоже опаздывает, но круто останавливается, улавливая мою фигуру в центре скопившихся около меня людей. Хоть бери мел и черти белый круг, защищаясь от различной блондинистой нечисти.

В его глазах самый настоящий испуг. Губы напрягаются, когда он замечает в моих глазах застывшие слезы. Я сдерживаю их всеми силами, может, поэтому и молчу. Понимаю, как только открою рот, заплачу.

И он меня обнимает. Сначала слегка, едва касаясь плеч и чуть потянув меня к себе. Мне только и нужна была эта крошечная поддержка.

– Все хорошо, моя маленькая, – Ваня говорит мягко, поглаживая по спине.

Как раньше, когда я расстраивалась.

Воспоминания двадцать пятым кадром мелькают передо мной. Быстро, ярко. Я словно смотрю фильм в моменте, когда меня все еще трясет от случившегося.

Не отрицаю своей вины, но меня что-то такое нашло, чему я не могу дать определение. Как огненная волна из самого центра груди. Бесконтрольная, дикая.

– Что случилось? – спрашивает, чуть нагнувшись.

Утыкаюсь в его грудную клетку и делаю глубокий вдох. Глаза закрыты, голова кружится. Я словно попала в прошлое, где пока не знала о его изменах. Может, в тот момент их во-

обще не было?

– Она меня провоцировала. Я защитилась...

– Держи свою курицу при себе, Исаев!

Иван даже не дает закончить мне фразу. Хотела сказать, что напала на нее первая, я виновата. Просто... страшно.

Но мой бывший парень и слушать дальше не стал.

Теперь высываюсь из-за плеча Ивана. Глупо, наверное, выгляжу. Вырвала волосы Карине и прячусь за спину бывшего парня. Неужели это происходит со мной?

Костя чуть приобнимает свою... девушку, его правая рука лежит на спине в районе лопаток, ни на сантиметр не опускается. Если бы я не знала того, что они вместе, подумала бы, что Исаев делает это из вежливости. Ну как бы она его одноклассница, девушка, пострадавшая от руки бывшего друга, то есть меня.

Исаев молчит. Ни слова еще не сказал. Только смотрит на меня своим фирменным взглядом, который не отражает абсолютно ничего. Будто ему безразлично происходящее.

Как это ни странно, но меня задевает это больше всего. Лучше бы накричал или угрожал, так я бы выяснила о своем месте в его жизни.

Миллион мурашек рассыпается по позвоночнику, когда подумала об этом самом месте. И новая волна слез опять подкатила к глазам.

Внутри черная пустота от мыслей. И еще мне плохо, я попала в подобную ситуацию впервые. Готова публично даже

извиниться, или что полагается, только бы прекратить такое количество взглядом в мою сторону.

Сильнее утыкаюсь в грудную клетку Вани. Он пахнет как раньше. Это успокаивает. Я вообще привыкла, что его запах действует на меня успокаивающе, несмотря на то, что аромат всегда был у Радова довольно резким, несколько грубым для милого блондина со светлыми глазами.

– Что? Нечего сказать, Костян? – Ваня практически кричит.

А еще провоцирует. Я достаточно знаю Ивана, чтобы говорить о таком.

Сначала Назарова провоцировала меня, теперь мой бывший парень провоцирует ее нынешнего. Успела запутаться. А вы? Муть какая-то творится.

Ваня чуть отталкивает меня, и как бы я ни цеплялась за футболку Радова, а я делаю это цепко, практически профессионально, не получается его удержать. Он вырывается и размашистым шагом идет на Исаева.

Все замирают. И не дышат.

– Чтобы ни тебя, ни твоей шалавы не было рядом с Аленкой. Ты меня понял, Исаев?

Иван двумя руками берет его за грудки и притягивает к себе. Свою угрозу Ваня шепчет, но она прекрасно всем слышна.

Радов и Исаев всегда были одного роста и одной комплекции. Но злость придает силы, поэтому сейчас мне кажется,

что Ваня крупнее и сильнее Кости.

А если ударит? Если будет драка? Господи, на чьей стороне буду я?

Но о чем это я? Чтобы Костя и дрался? Сколько себя помню, его любимая фраза звучала так: “в первую очередь нужно конфликт решать словами”.

Сердце все равно замирает на картине, когда их взгляды пересекаются и от них искрит. В воздухе пахнет дымом и огнем. Жарко. Позвоночник скручивает от переживаний, а желудок режет от страха. Ну, и голода.

Мы же с Шуркой так-то в столовую шли. Пришли, называется.

– Все, парни, брейк. Костян, Вань, сейчас препод придет и влетит всем. Давайте уже в аудиторию, – первый раз с момента знакомства слышу от Стаса-мажора разумные слова.

Саня краснеет до кончиков ушей и старается не улыбаться. Ее сердце плавится как шоколад на солнце.

– Правда. Ничего же не случилось. Ну, вырвали пару волосинок. Не твоих, между прочим, – ловко затыкает собирающуюся уже открыть свой накачанный ротик Назарову.

Это говорит другой парень с их потока. Кажется, его зовут Никита. Спасибо тебе, Никита!

Но эти два петуха все никак не уберут свои хвосты. Ладно еще Ваня, но Костя! Исаев дышит как после марафона, ноздри раздуваются, он старается вобрать в себя весь воздух, лишив кислорода своего... друга?

Толпа расходится, когда ее разгоняет пришедший преподаватель. Ваня с Костей заходят самые последние, стукнувшись плечами.

Мы снова с Шуркой остаемся стоять одни в коридоре. Может, мне все это показалось и не было никакой Назаровой?

А нет, была, между пальцев к коже прилипли несколько светлых волос Карины. Брезгливо убираю их и выкидываю.

“Ты знаешь, что я всегда тебя поддержу и буду на твоей стороне”

Ваня написал это, когда мы вошли в столовую. Переживает. И честно, мне хорошо оттого, что я была там не одна, среди старшекурсников. Саня не в счет. Не удивлюсь, если ей было так же некомфортно, как и мне.

А Костя... Что ж, Карина его девушка. Думаю, он имеет право злиться. Только кто бы знал, как это трогает. Будто внутри кто-то высекает слова на оголенных нервах. Дергаюсь при каждом взмахе тонкого прутика.

“Спасибо.”

Пишу ответ. Это первое сообщение, которое я ему отправила за последние недели.

“Если тебе рядом нужен друг, я буду им.”

Снова пишет. На этот раз оставляю без ответа его предложение. Взгляд перевожу на Сашку. Она тихо улыбается, шлепает губами и иногда их закусывает. В мыслях подруга со своим Стасом. Мажор, который сегодня показал себя с другой стороны. Сама на него по-новому посмотрела.

– Олышанская, тебя после пар в деканате ждут, – к столу подбегает наша староста. У нас же окно между парами, но все знают, где студенты обычно находятся в обеденное время.

Я испуганно уставилась на Шурку. Тело бросает в неконтролируемый жар, а следом обдает ледяным воздухом, что острые мурашки вновь ползут по спине.

“Здесь у всех родители то юристы, то прокуроры, то судьи”, – вспоминаю Санину фразу.

Мурашек становится в разы больше, целая орда мурашек на спине, руках, тянутся вдоль шеи, все волоски дыбом встают.

Съеденная картошка и рыба болтаются в желудке и кажутся камнями, которые я проглотила. И ощущаю жуткий спазм в солнечном сплетении и животе, волнение накатывает сильнее и сильнее. Если бы оно измерялось баллами по какой-нибудь шкале, уже всюду шла бы эвакуация.

– Хорошо. Я, – сглатываю слюну, она не проходит по гор-
тани, застревает, – буду.

– Конечно, будешь. Там, слышала, сам Назаров приехал. Ну, отец Карины, с которой ты подралась!

Староста убегает. А вслед я бросаю ей:

– Она сама меня спровоцировала!

О, боже, как жалко это звучит. Ни один суд не примет такое оправдание.

Глава 15. Алена

Дверь кабинета декана тяжелая, деревянная. Неподвижно стою напротив нее и не нахожу в себе силы постучаться и войти. А меня там ждут.

Господи, зачем я только полезла к этой Карине? Ну провоцировала, и что? Надо было молчать. Глядишь, сейчас бы не стояла и не грызла свои губы в кровь, ногтями не продавливала бы кожу до отрезвляющей боли.

– Алена, я пойду с тобой, – Ваня сбегает по лестнице, подходит вплотную ко мне и тесно обнимает.

– Не надо, Вань. Я справлюсь.

Еще не хватает чувствовать себя ему обязанной. Он был рядом, когда все случилось, поддержал, я вдыхала его знакомый запах и быстро успокаивалась. Это всего лишь закоренелая привычка.

Радов гладит мои плечи, взглядом обводит лицо, фиксируется на губах и, больше чем уверена, безумно хочет меня поцеловать.

– Как я могу тебе помочь? Быть рядом? Здесь? Хорошо, я буду.

Сейчас его слова несколько раздражают, внутри больше волнения зреет из-за надвигающегося разговора с деканом.

– Вань, я обняла тебя только потому, что привыкла. Это ничего не значит. Мы с тобой дружим целую тучу лет, очень

сложно враз все перечеркнуть, обходить тебя стороной и не замечать.

Ваня смотрит и не верит. Он действительно думал, что после минутных обнимашек в момент моей слабости я мигом закрою глаза и все прощу?

– Привыкла, значит... Может, тогда не стоит отвыкать?

Улыбается чуть коряво, но хотя бы не злится за сказанное.

Вновь его руки на моих плечах, которые перемещаются по спине и муторно гладят. Костя также обнимал Назарову.

– Я пойду, – чуть отстраняюсь.

– Алена, знай, что я тебя во всем поддержу. Подставлю дружеское плечо, раз пока мы вернулись к этой стадии.

Киваю и увожу свой взгляд.

Дважды постучав, открываю дверь декана и захожу. Даже не дышу. Кожа вся пылает от жуткого переживания. Вся жидкость испарилась из тела и меня начинает мучить суровая жажда.

Кабинет декана большой и светлый, а сам он сидит в огромном кожаном кресле под стать ему: крупному, тучному и высокому мужчине.

– Ольшанская Алена Олеговна? – спрашивает звонко, как сотни церковных колоколов в праздники. Оглушает, а по спине собрание мурашек вырисовывается. Ненавижу это состояние тотальной беспомощности и охватывающего с ног до головы страха.

Блею свой ответ, взгляда отвести от него не могу. Он же

может и отчислить меня?!

– Она это, она! Явилась! Что сейчас такая тихая, Олышанская? Как волосы выдирать, так ты вон какая бойкая!

Перевожу взгляд влево и вижу Назарову, которая покрылась красными пятнами. Ее лицо искривлено гневом и ненавистью. Им причина я. Теперь Карина не такая красивая как была на фотографиях в своем аккаунте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.